

ЛЮБОВЬ - ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ

От автора «КВАРТИРЫ НА ДВОИХ»

БЕТ О'ЛИРИ

Бет О'Лири

Любовь – это путешествие

Серия «Хэппи-энд (Нео)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69132295

Бет О'Лири. Любовь – это путешествие: Издательство АСТ; Москва;

2023

ISBN 978-5-17-149344-8

Аннотация

В жизни любого есть все еще привлекательный, но ненавистный бывший. У Адди это Дилан – сын богатых родителей, студент Оксфорда, поэт с прекрасным телом и человек, разбивший ей сердце.

Четыре года назад они познакомились в Провансе, и это было лучшее лето в их жизни. Но спустя два года Дилан совершил ошибку и отпустил единственную девушку, которую когда-либо любил.

Накануне свадьбы общей подруги их пути снова пересекаются, точнее – сталкиваются: в самом начале путешествия в Шотландию машина Дилана и его друга Маркуса врежется в ту, где едут Адди и ее попутчики. Так что компанию ждет совместная поездка в «мини купере» полном багажа, прошлых обид, разочарований, неловкости и секретов.

Что не выдержит раньше: машина или хрупкий мир между пассажирами?

Содержание

Сейчас	6
Тогда	30
Сейчас	58
Тогда	79
Сейчас	94
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Бет О'Лири

Любовь – это путешествие

Beth O'Leary

THE ROAD TRIP

Печатается с разрешения Darley Anderson Literary,
TV & Film Agency and The Van Lear Agency LLC.

© Beth O'Leary, 2021

Школа перевода В. Баканова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Моим подружкам невесты

Сейчас

Дилан

– Путь дружбы истинной не может гладким быть, я про это, – говорит мне Маркус, теребя ремень безопасности.

Первый раз в жизни слышу искренние извинения от Маркуса, хотя уже прозвучало шесть клише, две перевёрнутые цитаты, и в глаза он не смотрит. Справедливости ради слово «извини» тоже прозвучало, но начал он с «я не очень умею говорить...», так что получилось не слишком искренне.

– А разве там не «путь истинной любви»? «Сон в летнюю ночь», если не ошибаюсь.

Половина четвертого утра, город накрыт пеленой тьмы. Мы едем мимо круглосуточного супермаркета, и блеклый свет витрин освещает трех человек в машине перед нами. Как и мы, они медленно тащатся в хвосте у неповоротливого грузовика.

На долю секунды в их зеркале заднего вида мелькает лицо девушки за рулем. Она чем-то похожа на Адди – нам всюду мерещатся те, о ком мы постоянно думаем.

Маркус раздраженно вздыхает.

– Дилан, я же говорю о своих чувствах! Не будь козлом и

послушай меня!

– Ладно, слушаю, – улыбаюсь я.

Проезжаем пекарню. Глаза девушки впереди вновь отражаются в зеркале, брови чуть приподняты над квадратной оправой очков.

– Понимаю, я повел себя неправильно. И прискорбно, что так вышло.

Удивительно, в каких словесных лабиринтах он готов плутать, лишь бы не произнести банального «извини». Молчу. Маркус откашливается и неловко ерзает на сиденье. Я почти готов сжалиться и сказать, что все нормально и мы можем закрыть тему, но тут машина впереди снова оказывается на свету, опускается водительское стекло и появляется девичья рука, браслеты на запястье мерцают серебристо-красным в бликах автомобильных фар, – и я напрочь забываю о Маркусе. Мне до боли знакомы и уверенный жест, и бледная кожа, и детские бусинки. Я бы узнал их где угодно. Сердце замирает, будто я оступился на лестнице. Это она, Адди! Все-таки это ее глаза отражались в зеркале!

Маркус вскрикивает. Чуть раньше он таким же звуком отреагировал на рекламу веганского хот-дога, так что я не обращаю внимания. А зря. Машина перед нами резко останавливается, я не успеваю нажать на тормоз дорожущего «мерседеса», принадлежащего отцу Маркуса.

Адди

Бам!

От удара мои очки слетают с головы и падают за сиденье. Кто-то взвизгивает. Вот черт! Боль пронзает шею, но думаю только о том, на что же я так наехала.

– Вот дерьмо! – восклицает Деб с заднего сиденья. – Ты цела?

Я пытаюсь достать очки, но их, естественно, нигде нет.

– Что это было? – наконец, выдавливаю я.

Пытаясь понять, что же произошло, дрожащими руками трогаю руль, ручной тормоз и затем зеркало. И тут ловлю его отражение. Картинка несколько расплывчатая, ведь я без очков, и несколько нереальная. И все же это он, сомнений нет. Такой знакомый, словно вижу собственное отражение. Сердце рвется из груди, будто ему там тесно.

Деб выходит из машины. Грузовик перед нами отъезжает, и фары выхватывают хвост лисы. Животное, которое и заставило водителя перед нами резко сбросить скорость, теперь лениво вышагивает к тротуару. Постепенно картина произошедшего складывается: грузовик тормозит перед лисой, я – перед грузовиком, а Дилан не тормозит вообще. Вот и бам...

Снова поднимаю глаза к зеркалу: Дилан так и смотрит на меня. Мир замирает, затихает, тускнеет, будто кто-то убавил звук.

Я не видела Дилана почти два года. Он наверняка изменился, все остальное ведь изменилось. Но даже со своего места и в полутьме, я угадываю очертания его носа, длинные ресницы, зеленовато-желтый, змеиный цвет глаз. Представляю и потрясенное выражение этих глаз – почти такое же, как в тот день, когда он меня бросил.

– Что ж, – говорит сестра, – по крайней мере, мы можем гордиться нашим «мини».

«Мини купер». Машина. Вернувшись к реальности, с третьего раза трясущимися руками отстегиваю ремень безопасности. Мельком оглядываю салон и замечаю на заднем сиденье Родни: скрючившись и уткнувшись носом в коленки, он прикрывает голову руками.

Черт! Совсем про него забыла.

– Ты как?

– Адди, ты как? – Деб говорит одновременно со мной. Она морщится: – У тебя тоже шея болит?

– Ага, – отвечаю я, только от ее вопроса осознав, насколько болят и голова, и шея.

– Божечки, – качает головой Родни, осторожно выпрямляясь. – Что случилось?

Вчера в общем чате «Шерри и Криш женятся!!!» Родни спросил, кто может подбросить его на свадьбу, но никто не ответил, и мы с Деб его пожалели. Я знаю только, что Родни завтракает детским йогуртом, постоянно сутулится и носит дурацкие футболки с героями комиксов. В принципе, суть

понятна.

– Какой-то придурок на мерсе въехал нам в бампер, – объясняет Деб, оглядываясь на виновника.

– Деб... – начинаю я.

– А?

– По-моему, это Дилан. В той машине.

– Дилан Эббот?

Я тяжело вздыхаю и киваю.

Оглядываюсь назад, хотя шея отзывается резкой болью: пассажирская дверь «мерседеса» открывается, и в сумраке улицы появляется мужская фигура. В бледном свете одной из витрин замечаю, что он стройный и кудрявый. Сердце снова колотится.

– Он с Маркусом, – шепчу я.

– С Маркусом?! – Деб округляет глаза.

– Да. О боже.

Какой кошмар. И что мне теперь делать? И что делать с машиной? Звонить в страховую?

– Машина вообще в порядке? – бормочу я и открываю дверь.

Выхожу одновременно с Диланом. На нем белая футболка, хлопковые шорты и потрепанные мокасины, на поясе зашелкнут карабин – я знаю, что в кармане спрятаны висящие на нем ключи, ведь это была моя идея, иначе он все время их терял.

Он обходит машину спереди и оказывается в свете фар.

Какой же он красивый! Видеть его еще тяжелее, чем я ожидала. Не знаю, что и делать – то ли к нему броситься, то ли от него, то ли в истерику. Похоже, вселенная надо мной издевается. Я знала, что в эти выходные нам так и так придется столкнуться впервые за два года, но это должно было произойти на свадьбе, а не вот так вот!

– Адди? – медленно говорит он.

– Дилан, – с трудом отвечаю я.

– «Мини» расфигачил папин «мерседес»?! – поражается Маркус.

Без макияжа, в грязных брюках, без укладки. Я месяцами продумывала образ, в котором встречу с Диланом! И это точно не тот вид, что я планировала. Но он только смотрит мне в глаза, ничего другого не замечая, даже новый цвет волос. Земля уходит у меня из-под ног.

– Чтоб я сдох! – продолжает возмущаться Маркус. – «Мини»! Унижение какое!

– Вы что, совсем? – набрасывается Деб. – Вы чем думали? Педали перепутали?!

Дилан растерянно моргает.

Так, пора взять себя в руки.

– Кто-нибудь пострадал? – спрашиваю я, потирая ноющую шею. – Родни?

– Кто? – удивляется Маркус.

– Со мной полный порядок! – отзывается Родни с заднего сиденья.

Деб помогает ему вылезти.

– Вот блин!.. – бормочет Дилан, заметив покореженный бампер «мерседеса». – Маркус, прости.

– Да забей, – машет рукой Маркус. – Знаешь, сколько машин отца я уже разбил? Он и не заметит.

Я обхожу вокруг «мини»: немного потрепало, конечно, но не сильно. Хотя удар был такой громкий, будто что-то отвалилось. Колесо, например.

Глазом моргнуть не успеваю, как Деб уже за рулем и заводит двигатель.

– Машинка в порядке! – радуется она. – Моя красotka стоит каждого потраченного цента.

Она отъезжает к обочине и включает аварийку.

Дилан копается в бардачке «мерседеса», обсуждает с Маркусом, вызвать ли дорожный патруль, а я думаю только о том, что Дилан подстригся. Вместо того чтобы разбираться с последствиями аварии, я играю в «Найди отличия»: что в Дилане нового? что изменилось?

Он оглядывается на меня, и я краснею. В его глазах есть нечто необыкновенное, так что оторваться невозможно. Через силу заставляю себя отвести взгляд.

– Тоже едете к Шерри на свадьбу? – спрашиваю Маркуса и замечаю, что голос у меня дрожит. Хорошо хоть смотреть можно на помятый бампер, а не них.

– Ну, ехали... – протягивает Маркус, тоже рассматривая машину. Похоже, и ему неудобно. – Но шестьсот пятьдесят

километров с разбитой мордой нам не проехать – только до автомастерской. Да и вам надо в ремонт.

Деб рукавом толстовки протирает царапину, открывает и закрывает багажник и пренебрежительно хмыкает:

– Не-а, просто вмятина.

– Маркус, кажется, компьютер мерса сошел с ума, – зовет друга Дилан. – Эвакуатор будет минут через тридцать.

Даже отсюда я вижу, как на приборной панели «мерседеса» перемигиваются красные значки. Я отворачиваюсь. Типичный случай: машина ломается у Маркуса, а разбирается Дилан.

– Минут через тридцать? – недоверчиво переспрашивает Деб.

– Все включено, милая. – Маркус показывает на автомобиль. – «Мерседес», как-никак!

– Я тебе не «милая», а Деб. Прекрасно же помнишь мое имя.

– Помню-помню, – беззаботно и не слишком убедительно кивает Маркус.

Я чувствую, что Дилан смотрит на меня, пока мы разбираемся со страховкой. Я ищу в интернете номер, Деб роется в багажнике в поисках документов, и все это время я ощущаю присутствие Дилана, будто он занимает в десять раз больше места, чем остальные.

– И как будем добираться? – интересуется Маркус.

– На автобусе?.. – предлагает Дилан.

– На автобусе? – Маркус изумляется так, будто ему предложили поймать извозчика. Как был позером, так и остался. Впрочем, ничего удивительного.

Родни покашливает, копаясь в телефоне. Вечно я про него забываю, даже стыдно. Но что поделаешь, голова забита другим.

– Если выехать сейчас, – подает голос Родни, о котором я уже и забыла, – то доберетесь... к началу второго.

Маркус смотрит на часы.

– Отлично, – радуется Дилан. – Успеваем.

– Во вторник, – договаривает Родни, поднимая взгляд от расписания на экране телефона.

– Что?! – хором восклицают Дилан с Маркусом.

Родни сочувственно улыбается:

– Четыре утра, воскресенье, да еще и государственный праздник, даже банки не работают. А вы едете из Чичестера в Шотландию, да еще за город.

Маркус наигранно взмахивает руками:

– Как вообще жить в этой стране!

Мы с Деб переглядываемся. Нет, нет, нет, плохая идея...

– Поехали! – Я направляюсь к «мини». – Сядешь за руль?

– Адди... – начинает Деб, когда я сажусь на пассажирское сиденье.

– Куда это вы собрались? – протестует Маркус.

Хлопаю дверцей.

– Эй! – восклицает Маркус, пытаясь остановить Деб, на-

правляющуюся к машине. – Отвезите нас на свадьбу!

– Нет, – обращаюсь я к сестре. – Игнорируй его. Родни, залезай давай!

Родни покорно садится назад. Мило с его стороны – мы едва знакомы, чтобы я говорила с ним таким тоном.

– Да какого черта?! Адди! Если вы нас не подвезете, мы опоздаем, – не сдается Маркус, стуча по стеклу с моей стороны.

Даже не шелохнусь.

– Адди, ну же! У тебя перед Диланом должок, помнишь? Дилан что-то говорит Маркусу, но не могу расслышать.

– Вот же он козел, – хмурится Деб.

Я устало прикрываю глаза.

– Ну как, вытерпишь их присутствие? – спрашивает Деб. – Спасем их?

– Нет. Обоих разом точно нет.

– Тогда забей и поехали уже.

Маркус опять стучит по стеклу. Стискиваю зубы до боли в шее и смотрю прямо перед собой.

– Мы же планировали веселую поездку, – напоминаю я.

Для Деб это первые выходные без ее сына Райли, и мы месяцами только и обсуждали нашу поездку. Сестра продумала каждую остановку и каждый перекус.

– Такой она и будет, – успокаивает меня Деб.

– Места нет.

– Я потеснюсь! – отзывается Родни.

Он мне уже разонравился.

– Ехать же ужасно долго, Деб. – Я устало прижимаю ладони к глазам. – Полдня с Диланом в одной машине! Я почти два года ходила по городу на цыпочках, лишь бы с ним не столкнуться даже на секунду. А тут восемь часов!

Дилан отгоняет «мерседес» на парковку и снова выходит из машины – высокий, стройный, взъерошенный.

Едва встретившись с ним взглядом, я понимаю, что не брошу его здесь.

И он это знает. «Прости», – читаю я по его губам.

Если бы мне давали по фунту за каждое «прости» Дилана Эббота, хватило бы на собственный «мерседес».

Дилан

Бывает, вдохновение само кладет стихи к моим ногам, как собака, приносящая мяч. Когда я забираюсь на заднее сиденье машины Деб и улавливаю до боли знакомый аромат духов Адди, две с половиной строки приходят ко мне в долю секунды: «Прежняя – и другая // Глаз не сводишь с меня // А я...»

А что я? Кто я? Я в замешательстве. При каждом взгляде на Адди мое сердце делает кувырок, словно дельфин. Казалось бы, прошло почти два года, и боль должна была утихнуть, но ничего подобного. Больно так, что хочется выть.

– Подвинься, а. – Маркус толкает меня, и я чуть не падаю

на колени Родни.

– Прости, – говорим мы с Родни хором.

Ладони потеют; я все время сглатываю, будто так можно сдерживать рвущиеся наружу чувства. Адди выглядит совсем по-другому: волосы подстрижены почти так же коротко, как мои, и выкрашены в серебристо-серый цвет. Очки – чудом пережившие полет в багажник – модные, в толстой оправе, даже дерзкие. Адди стала еще красивее. У нее словно завелась близняшка: такая же, но изменившаяся. «Прежняя – и другая».

Надо бы что-то сказать, но не могу придумать, что именно. А раньше я всегда легко заводил разговор. Я вжимаюсь в узкое среднее сиденье, смотрю, как эвакуатор тащит по темной улице «мерседес», и жалею, что нельзя вернуть ту самоуверенность, что была у меня, когда я впервые встретил Адди. Тогда я и не подозревал, как бесповоротно она изменит мою жизнь.

– Кстати, чего вы так рано выехали? – спрашивает Адди, пока Деб отъезжает с обочины. – Ты же ненавидишь вставать впотьмах.

Глядя в зеркало на солнцезащитном козырьке, она наносит какой-то крем на лицо.

– Ты малость отстала от жизни, – заявляет Маркус, подпихивая меня локтем в бок, чтобы устроиться поудобнее. – У Дилана теперь пунктик: надо выезжать в четыре утра и ни минутой позже.

Смущенно смотрю в пол. Это Адди меня убедила, что поездки куда лучше в предрассветной тишине, когда день еще полон надежды. А вообще-то, она права: когда мы встречались, я только и жаловался на ранние подъемы.

– Выехали в самый раз, чтобы успеть к барбекю! – радостно объявляет Родни, глядя в телефон, старательно прижимая локти к бокам.

Маркус не идет на такие жертвы ради моего комфорта: он сидит раскинувшись, локоть наполовину лежит на моем колене.

– А, ты и на предсвадебное барбекю идешь? – спрашиваю я Родни.

Он кивает. Это была откровенная попытка выяснить, почему Родни вообще здесь, но надеюсь, он принял ее за дружескую болтовню. На одно ужасное, свинцово-тяжелое мгновение мне показалось, что Родни и Адди вместе – пару месяцев назад Шерри обмолвилась, что Адди придет на свадьбу не одна. Однако на парочку они непохожи, Адди едва его замечает.

Впрочем, остальных она тоже игнорирует. После первых душераздирающих минут встречи она избегает моего взгляда, как бы я ни старался привлечь ее внимание. Маркус же громко и неритмично барабанит по стеклу, так что Деб, которая пытается не проскочить нужный выезд с развязки, косится на него с явным раздражением.

– Может, хоть музыку включим? – интересуется Маркус.

Я знаю, что нас ждет, еще до того, как Адди запускает первый трек, и прячу улыбку. Эту песню я не слышал, но кантри-музыку ни с чем не спутаешь: при первых же аккордах понятно – будут истории про поцелуи на крыльце при луне, кабаки и дальние поездки с красотками. Адди и Деб со школы любят кантри, и я частенько Адди поддразнивал за это. Полное лицемерие со стороны человека, у которого в плейлисте для пробежки одна Тейлор Свифт. Теперь при звуках банджо мне вспоминается, как Адди танцевала в моей старой рубашке, подпевала Родни Аткинсу, опустив все стекла в машине, или неспешно раздевалась под одну из романтических баллад.

– Может, другую? – Адди перелистывает плейлист.

– Оставь, мне нравится! – Деб делает погромче.

– Это что еще за фигня? – удивляется Маркус.

Адди расправляет плечи от его тона.

– Это Райан Гриффин «Я бы и сам себя бросил».

Морщусь. Маркус фыркает со смеху.

– Даже так? – язвит он.

– Песня входит в золотую коллекцию кантри, – продолжает Адди; ее шея покрывается пятнами румянца, похожими на лепестки роз. – Тебе еще восемь часов такое слушать, привыкай.

Маркус открывает дверь машины.

– Эй!

– Маркус, придурок!

Начинается возня. Маркус отпихивает меня локтем. Дверца открыта совсем чуть-чуть, но ветер проносится по салону.

Родни теперь склоняется надо мной, пытается дотянуться до ручки и закрыть ее, пока четыре или пять рук не хватаются за дверь машины, и мы царапаем друг друга, моя нога каким-то образом запуталась в ноге Маркуса...

– Я поеду автостопом! – горланит Маркус, в восторге от очередной безумной выходки. – Выпустите меня! Я не вынесу восемь часов пыток! Выключите! – Он смеется, даже когда я шлепаю его по руке с такой силой, что кожу на ладони жжет.

– Ты с ума сошел! – кричит Родни. – Скорость девяносто километров в час!

Машина виляет, и я замечаю в зеркале сосредоточенный взгляд Деб, пока она пытается не вырлиться на встречку. Справа от нас несется поток автомобилей и фары слепят желто-белыми вспышками.

Адди ставит песню на паузу, Маркус захлопывает дверцу. Теперь, когда музыка выключена, а ветер не свистит сквозь щель, можно услышать каждый звук: затрудненное дыхание Родни, скрип, когда Деб откидывается на сиденье. Адреналин еще играет в крови, и мне жутко хочется дать Маркусу в нос.

– Совсем сдурел? – шиплю я.

Адди удивленно оборачивается на нас, но отворачивается прежде, чем я успеваю перехватить ее взгляд.

Маркус сглатывает, косясь на меня, и я чувствую, что он уже жалеет о своем поведении.

– Включи что повеселее! – он натужно смеется. – Давай хоть Брюса Спрингстина, а?

Адди долго не произносит ни звука.

– Деб, – наконец, говорит она, – остановись у заправки.

– В туалет надо? – спрашивает Деб.

– Нет, – качает головой Адди, – хочу высадить Маркуса.

Пусть едет автостопом, как и собирался. – И снова включает кантри.

Адди

Как назло, не попадается ни одной заправки. Когда мы наконец останавливаемся, мне и впрямь нужно в туалет. И слегка проветриться. Вдруг кажется, что я оказалась в самой маленькой машине во всем чертовом мире.

– Мы правда высадим здесь Маркуса? – раздается за спиной встревоженный голос.

Я решительно шагаю через заправку к магазину, в надежде, что Дилан за мной не успеет. До сих пор мне удавалось избегать прямого зрительного контакта с ним, и этой тактики я намерена придерживаться всю оставшуюся дорогу.

При всей своей нескладности, Родни оказывается удивительно быстрым, так что приходится ответить:

– Скорее всего, нет. Но Маркус любит выпендриваться, и

лучше сразу его осадить, а то достанет.

– А вы откуда его знаете?

Родни бросается вперед, чтобы придержать для меня дверь. Я озадаченно качаю головой, какой же он нелепый! Ведет себя как подросток, хотя ему должно быть не меньше тридцати.

– Мы с Диланом раньше встречались.

– О-о! Неловко вышло! – ужасается Родни, прижимая обе руки ко рту.

– Ага, есть такое, – смеюсь, удивляясь своей реакции.

Набираю шоколадных батончиков – мы с Деб запаслись всякой всячиной, но Дилан ест за двоих, и за час-другой ничего не останется.

– Извини, что тебе пришлось оказаться в самой гуще давних разборок. Не бойся, мы с Диланом будем вести себя мирно, уж на несколько часов нас хватит. Обещаю.

– Так вы остались друзьями? – Родни протягивает мне корзинку, и я бросаю в нее батончики, пять пачек печенья и пакетики конфет.

– Друзьями?..

В тот вечер, когда мы разошлись, я орала. И не в смысле, что громко ругалась, а именно что орала – без слов, раскрыв рот, до хрипоты. Била его кулаками в грудь, рыдала, пока силы не кончились. А потом не ела три дня.

– Вроде того. Вроде как друзьями.

Мы возвращаемся к машине. Дилан стоит, скрестив руки на груди и глядя куда-то влево. За его спиной встает солнце. Картинка словно обложка инди-рок альбома или реклама дорого одеклона. Он все такой же мечтательный и взъерошенный, но при этом повзрослевший.

Я слишком долго смотрю на него, и он ловит мой взгляд, прежде чем я отвожу глаза.

– Адди, – говорит Дилан и пытается помочь мне с пакетами, но я уворачиваюсь и направляюсь к багажнику. – Адди, пожалуйста, – повторяет он тихо. – Давай поговорим. Нам ехать вместе весь день. Может, лучше без этой неловкости?..

Захлопываю багажник. Пакеты с продуктами влезли, но заднее стекло совсем загорожено: Дилан с Маркусом собрались, как на край света, а у Деб куча вещей кормящей матери: два молокоотсоса, сумка-холодильник, бутылочки.

– Хочу размять ноги. Еще буквально пять минут, хорошо? – Родни отходит на газон.

Не стоило мне говорить ему про «друзей». Скажи я, что Дилан испортил мне жизнь, и Родни не оставил бы нас наедине.

– Адди... Ты даже посмотреть на меня не можешь?

Похоже, так и есть. Слишком больно. Нас отталкивает друг от друга, как два магнита, повернутых одинаковыми сторонами. Так что я смотрю на собак, выпущенных из соседних машин: маленький пудель пытается поймать собственный хвост, вокруг него бегают такса в дурацкой розовой

шлейке. Их длинные тени скользят по траве в лучах рассветного солнца. Маркус наклоняется погладить овчарку. Надеюсь, она злая. Необязательно его кусать, но пусть хотя бы облает.

– Где Деб? – спрашиваю я.

– Ей позвонила твоя мама насчет Райли.

Я смотрю на него с удивлением.

– Она рассказала тебе про Райли?

Взгляд Дилана смягчается.

– Минуту назад. Я думал, ты... Думал, поделишься такой новостью. Что у Деб ребенок.

– Мы же решили не общаться.

– Не мы, а ты.

Я вздергиваю бровь.

– Извини, – вздыхает он. – Извини.

Тереблю браслеты на запястьях. Я сделала маникюр к свадьбе, но ногти слишком короткие и смотрятся нелепо: маленькие красные огрызки.

– Я очень рад за Деб, – продолжает Дилан, не дождавшись ответа.

– И немного удивлен?

Он улыбается, и я невольно отвечаю тем же.

– Не спросишь, кто отец?

– Наверное, он и не понадобился. Помнишь, как Гее, когда она родила Урана.

Несмотря на все мои усилия, сдержать улыбку так и не

получается.

– Не помню, сам прекрасно знаешь, – сухо отвечаю я.

– Ну да, – поспешно исправляется Дилан, по старой привычке зачесывая назад волосы, хотя теперь они короткие и на глаза не лезут. – Греческая мифология, снова слишком выпендренная отсылка, извини. Я хотел сказать, Деб никогда не нуждалась в мужчинах. То есть, не то чтобы кто-то нуждался... Тьфу ты!

– Выдвигаемся, ребята! – Растолкав нас, Маркус устраивается на заднем сиденье. – Заводи мотор, Родни уже летит к нам на всех парах.

Я оглядываюсь как раз в тот момент, когда появляется Деб и, засовывая телефон в карман толстовки, забирается вслед за Маркусом. Значит, вести мне. И значит, Дилану тоже придется сесть впереди. Тут и накатывает волна паники.

– Что вытворяет Родни? – спрашивает Деб.

Родни несется через газон, размахивая нелепыми длинными руками, а овчарка бежит следом и тянет за поводок хозяина.

– Потрясающе, – бормочу я, поворачивая ключ зажигания.

Маркус вскрикивает, когда Родни забирается на заднее сиденье, тяжело дыша.

– Извините, извини! – запыхавшись, восклицает Родни.

Деб тоже издает какой-то сдавленный звук.

– Следи за руками, пожалуйста, – ворчит она. – Ты мне

чуть между ног не заехал.

– О господи, прости! – говорит задыхающийся Родни.

Дилан забирается на переднее сиденье и снова пытается поймать мой взгляд.

– Да ладно, – пожимает плечами Деб, – из меня целый младенец вылез, переживу.

– Ой, – смущенно бормочет Родни. – Я правда нечаянно!

– Я и забыл, как ты мне нравишься, Деб, – заявляет Маркус.

– Да ну? – с притворным интересом спрашивает Деб. – А вот ты мне ни капельки.

Наконец мы все-таки отъезжаем с заправки, и, не в силах устоять, я кошусь на Дилана.

– Всего-то пятьсот семьдесят шесть километров осталось, – шепчет он едва слышно.

Маркус втолковывает Деб, что его «часто неправильно понимают», хотя он «исправляется, как грешник из викторианского романчика».

– Пятьсот семьдесят шесть километров, – повторяю я. – Пролетят, как одно мгновение.

Дилан

Машина мчится по шоссе. Воздух уже насыщен зноем, тягучим и сладким как мед. Начинается волшебное летнее утро: лазурно синее небо, ярко желтеют обласканные солн-

цем поля по обе стороны дороги. Такие дни наполнены запахом крема для загара и спелой клубники, привкусом льда и слишком большого количества джина с тоником.

– Так весь шоколад растает. – Адди включает кондиционер на максимум.

– Шоколад? – загораюсь я.

– Не тебе, – отрезает она, не отвлекаясь от дороги.

Я откидываюсь на сиденье. Значит, показалось. Хотя пару минут назад Адди повернулась ко мне и одарила полуулыбкой, как крошкой лакомства. А искренняя улыбка Адди – настоящий подарок, сердце замирает, когда ее вижу. Удивительно, что и через два года это все еще так.

Адди снова холодна. Прошло полчаса, как мы отъехали от заправки, и это ее первая фраза, обращенная ко мне. Не мне жаловаться, и не мне злиться, однако не могу удержаться. Ее поведение отдает мелочностью, а я думал, мы выше этого.

Ерзаю на сиденье, и она окидывает меня взглядом, затем наклоняется сделать радио погромче. Звучит попсовая песенка, бодрая и незатейливая – компромисс между вкусами Маркуса и Адди. Музыка заглушает болтовню на заднем сиденье: я только успел расслышать, как Родни объясняет Деб правила неволшебного квиддича ¹, а Маркус вставляет забавные ремарки.

– Что-то хочешь сказать? – замечает Адди. – Говори уже.

¹ Неволшебный квиддич – имитация спортивной игры из мира «Гарри Поттера» в реальной жизни.

– Неужели все настолько очевидно? – полушутливо-полу-серьезно спрашиваю я.

– Да, – честно отвечает она. – Именно.

– Просто... – Сглотнув, продолжаю: – Ты все еще меня наказываешь. – И тут же жалею о своих словах.

– Я наказываю тебя?

Кондиционер все никак не заработает на полную и гонит теплый воздух мне прямо в лицо. Я предпочел бы открыть окно, но Маркус начнет жаловаться, что его прическа испортится, а у меня нет сил с ним спорить. Я сдвигаюсь к окну, чтобы горячий поток дул сбоку, тем более что так лучше видно Адди. Под ее короткой стрижкой заметны покрасневшие кончики ушей, челку придерживают сдвинутые на голову обычные очки, а на глазах – солнцезащитные. У корней уже виднеется родной цвет волос.

– Ты до сих пор со мной не разговариваешь.

– Не в наказание же. Вообще-то, я перестала с тобой общаться ради самой себя. Мне была нужна свобода.

– А я ждал, когда ты передумаешь, – потупив взгляд, признаюсь я.

Она поворачивается ко мне, но глаз за очками не видно.

– Ждал?..

– Ну, не то чтобы ждал...

Умолкаю, и воцаряется долгая гнетущая тишина. Из машины напротив на нас тарашится женщина средних лет в кепке. Представляю, как она нас видит: пестрая компания

молодежи набилась в ярко-красный «мини» и куда-то едет в половине седьмого утра в праздничное воскресенье.

Как она ошибается! Добывай люди энергию из тайн, бензин бы нам не понадобился – затаенных обид хватит до самой Шотландии.

Тогда

Адди

Проснувшись, я пялюсь в потолок. Квартира смотрителя на вилле Шерри расположена в подвальном этаже, зато она большая и в целом симпатичная, ну, если не смущает отсутствие окон. Но когда живешь на юге Франции за пару сотен евро в месяц и с бесплатной едой – мир с ними, с окнами.

Утром приехали друзья родителей Шерри с детьми. К счастью, в аэропорту они взяли такси, и мне не пришлось их забирать, а то мы с Деб прошлой ночью выпили три бутылки вина и до самого рассвета любовались звездами с балкона. Так что за руль мне до сих пор нельзя, хотя уже почти полдень.

Уверена, это лето будет лучшим в моей жизни. Прямо как в кино: эпическая музыка на фоне и картинка очень яркая. Этим летом я точно не буду маленькой Адди, жизнь которой проходит впустую. Не буду одной из тех девчонок, кто вылетает из головы сразу после знакомства. Одной из тех, кого тут же бросают, встретив девицу получше. Я буду кем захочу! Короче, это мое лето. Сейчас, правда, по мне этого не скажешь – пошевелиться не могу из-за похмелья.

Я хмуро смотрю в потолок. Куда подевались жильцы? Звукоизоляция плохая, так что всегда слышно, что происходит наверху. А сейчас – ничего. Они точно в доме: я проснулась, когда приехало такси. Да и шаги слышны, только тихие. Будто там всего один человек.

Вот кто-то подходит к холодильнику с вином, затем идет в душ. Одно из окон открыто, потому дверь хлопает от сквозняка.

Около двух я разбудила Деб. Она плетется на кухню в растянутых шортах и футболке с какой-то французской группой – сувенир от парня, с которым переспала в Авиньоне.

Замерев, она прислушивается.

– А где все?

– Понятия не имею. Похоже, в доме только один человек.

Зевнув, она берет у меня из рук чашку кофе.

– Хм. Странно. Может, он прикончил всю свою семью по дороге сюда?

Мы умеем отличать мужчин от женщин по звуку шагов – мужчины топают громче.

– И это первая идея, что пришла тебе в голову?!

– Есть версии получше?

– Может, они потом подъедут. Может, задержались в Ницце, чтобы повидаться с родственничками...

Это у нас такая шутка. Лето пройдет, и ничего забавного в ней не будет, но сейчас нам весело. Приехав сюда, мы коллекционируем слова, которые слышим от жильцов:

родственнички, декор, подшофе, божественный. Никогда не встречала таких людей, как гости виллы «Сёриз»².

Они не смотрят на ценники и пьют шампанское, как воду. У каждого по несколько домов и питомцев и на все есть свое мнение. Ну как над ними не смеяться?

– Мама Шерри предупредила бы, что они приедут позже, – возражает Деб и намазывает хлеб толстым слоем масла.

Киваю и замечаю:

– Непохоже, что там кто-то старый, ходит быстро.

Деб приподнимает брови.

– Может кто-то из персонала?

Это мы тоже от жильцов набрались: всех работников называть «персоналом».

Наш таинственный одинокий гость заходит на кухню прямо у нас над головами. Замираю со стаканом сока у рта, а Деб ткнулась носом в масло, промахнувшись мимо рта. Холодильник открывается, какой-то звон, холодильник закрывается.

– Любитель выпить днем... – Деб размышляет вслух: – Если всю неделю будет только один гость, то зачем нам обeim тут торчать?

– Опять решила меня бросить?

Деб внимательно смотрит на меня, пытаюсь угадать, все-рьез я или нет. Но этого я и сама не знаю. Мы договарива-

² Сёриз (*фр.* Cerise) – вишня, созвучно с именем Шерри (от *англ.* Cherry – вишня).

лись по возможности путешествовать по стране, но пока Деб повидала во Франции гораздо больше, чем я. Это и понятно, ей быстрее все надоедает. К тому же мне нравится на вилле: бассейн, виноградники, воздух по утрам. Деб не такая сентиментальная – для нее это просто дом, пусть и большой.

Иногда мне даже нравится оставаться одной, но не все же время.

– Я тут познакомилась с одним парнем, у него свой дом в Ниме. Он типа из коммуны. Но не для сектантов, а для тусовщиков, понимаешь? Но если хочешь, я останусь.

Деб не признает полутонов. В раздражении я отворачиваюсь к холодильнику и бездумно разглядываю продукты.

– Конечно, тебе стоит поехать, – бросаю я через плечо.

– Если тебе нужна помощь, я останусь, – повторяет она искренне.

Невозможно долго сердиться на Деб. Она настроилась на поездку, и ей кажется, что мне от нее может быть нужна только помощь.

– Езжай. – Закрываю холодильник. – Найди себе французского хиппи посимпатичнее.

Мы снова притихаем: наш гость вышел из кухни на террасу и теперь что-то говорит, но слов не разобрать.

– Сам с собой разговаривает? – Деб прислушивается. – А может, он никакой не постоялец, а просто псих, который решил, что нашел пустой дом?

Приоткрываю дверь. Вилла стоит на холме, а дверь в нашу

квартиру находится справа, скрытая от глаз дорожкой, ведущей от кухни к террасе с бассейном.

Через щель я наблюдаю, как гость ходит туда-сюда по террасе. Видны, правда, только слегка загорелые ноги. Он босиком, в бежевых шортах, с полупустой бутылкой пива в руках, которой постукивает по бедру. На психа вроде не похож.

– Что ты...

Шикаю на Деб и напрягаю слух. Похоже, какие-то стихи.

– Он странствовал по воле Глорианы, он Королеву Духов звал своей³...

– Шекспир или что-то вроде него? – шепчет Деб, а затем отпихивает меня и открывает дверь пошире.

– Деб, тихо, – шиплю я.

Смотрителям не положено шпионить за гостями. О такой работе на лето можно было только и мечтать, и порой меня охватывает страх, что мы с Деб напортачим, и кто-нибудь из гостей пожалуется родителям Шерри.

– ...он в дальние наведывался страны, а сам в душе стремился только к ней, и взгляд ее был для него ценней... сильней... Да чтоб тебя! – Остановившись, гость отхлебывает пива.

А он из мажоров – выговор аристократический, как у Хью Гранта.

Деб прыскает в кулак, и гость замирает. Ахнув, оттаскиваю ее от двери.

³ Э. Спенсер «Королева Духов». Пер. В. Микушевича.

– Да успокойся ты. – Волоку Деб обратно в гостиную. – Давай не будем его бесить в первый же день.

– А парень ничего, – заявляет Деб, плюхаясь на диван.

Как почти вся мебель в квартире, диван когда-то стоял в доме, а затем был отправлен сюда, когда мама Шерри затеяла ремонт. На лиловом бархате правого подлокотника красуется огромное пятно от красного вина – но тут мы с Деб, к счастью, ни при чем.

– Это ты по ногам поняла?

Деб кивает.

– Ступни и не о таком еще расскажут.

Типичная фразочка Деб, в которую лучше не вдаваться, а то такого узнаешь...

– Так что, остаешься, сраженная сексуальными лодыжками?

Деб задумывается на мгновение, потом качает головой.

– Мажоров в шортах и дома навалом. А я мечтаю о длинноволосом французе-хиппи.

– Когда же тебе это надоест? – спрашиваю я, прижимая к груди подушку.

– Ты про что?

– Ну, скажем так, интрижки...

Деб вытягивает ноги на диване. Лак на ногтях облупившийся, на обеих голених синяки. Смуглый оттенок кожи Деб унаследовала от отца – ее дед по отцовской линии был из Ганы, – а я бледная, как поганка. Вообще-то, мы сводные сест-

ры, но меня раздражает, когда про это напоминают. Деб моя родная душа и мой лучший друг, и единственный человек, кто меня по-настоящему понимает. Я же ее опора, и ко мне она всегда возвращается. Так что мы родные друг другу на все сто.

В детстве я терпеть не могла, когда приходил отец Деб. Они гуляли в парке или ездили в город, а меня с собой не брали. Папа волновался и грустил, пока Деб не возвращалась, тогда они играли в железную дорогу, и снова все было хорошо. Как бы ужасно это ни звучало, но я радовалась, когда мама ссорилась с отцом Деб. Мне исполнилось восемь, и он наконец совсем перестал приходить, и Деб попросту вычеркнула его из своей жизни – вторых шансов она не дает.

– А с чего мне должно надоест? Разнообразие же.

– Тебе не хочется настоящих отношений?

– Настоящих? А сейчас что не так? Я знаю, кто я и чего хочу. Мне не нужен какой-то парень, чтобы сделать меня полноценной, никаких вторых половинок.

– А детей ты не хочешь?

– Не-а. – Почесав живот, Деб поднимает голову к потолку. – Вот в этом я уверена. Никаких детей. Никогда.

Деб все-таки отправляется в Ним, но что ее потрепанная арендованная машина уезжает, я узнаю только по звуку заводящегося двигателя. Сестра не очень-то любит прощаться. Точнее, она не любит объятия, а при прощаниях это вро-

де как принято. С самого детства мы лишь отправляем другу друг сообщение и обязательно постфактум. Мне это даже нравится – мы вообще редко пользуемся мессенджерами, а потому наша переписка очень милая. Так что отправляю ей сообщение.

Пока, люблю. Если что, звони.

Чао-какао. Буду нужна, пиши.

Обычно мы с Деб представляемся гостям, как только они приезжают, но в этот раз я решила подождать до ее отъезда. Зачем знакомиться с двумя смотрительницами, если второй все равно не будет.

Из квартиры в кухню главного дома ведет узкая винтовая лестница, и дверь с нашей стороны всегда заперта. Я поднимаюсь и громко стучу, а то бывали случаи. Вхожу как-то раз на кухню, а там шотландец с пивным животом лопает печенье, гольшом.

– Здравствуйте! – кричу я. – Мистер Эббот?

Тишина. Отпираю дверь и осторожно вхожу.

Никого. Ох и бардак: огрызки багета, пустые бутылки, сырные корки, кусочек масла растекается в лужицу. Неодобрительно цыкаю, но тут же одергиваю себя – не хочу быть похожей на свою же мать.

Я грызу хлеб и навожу порядок. Кем бы ни был наш гость, убирать за собой он не привык. А еще он пьян, судя по количеству пустых бутылок. Закончив с уборкой, я настороженно замираю посреди кухни. Тишина, только сверчки стрекочут.

Даже непривычно, обычно дом полон звуков. Иногда посто-
яльцы ездят в город, но к вечеру возвращаются, да и Деб ча-
ще всего здесь.

Жутковато. В доме только я и пьяный незнакомец. Пере-
считываю бутылки: пять от пива и одна полупустая от вина.

Я еще раз осматриваю кухню, выглядываю на террасу и
выхожу в просторный холл.

– Есть кто-нибудь? – тихо зову я.

Здесь прохладнее – тяжелые двойные двери плотно за-
крыты и не пропускают свет и жару с улицы. У подножия
лестницы валяется куртка, и я вешаю ее на перила. Джин-
совка с флисовой подкладкой – должно быть, приехал из хо-
лодных краев. Здесь в такой момент спаришься. Запах от
куртки апельсиновый, древесный и мужской.

– Мистер Эббот?

Прохожу через холл, столовую, банкетный зал, гостиную.
Ничего не тронута, все как перед приездом гостей. Значит,
он наверху. Наверх мы поднимаемся, только если нужно по-
мочь с засором в трубах или чем-то в таком роде. Спальни
– это личное пространство.

Ну и хорошо, я вздыхаю с облегчением и возвращаюсь
вниз, заперев за собой дверь. В квартире все как всегда: уют,
бардак и ни капли дневного света. Устроившись на диване, я
включаю телевизор. Надо будет поговорить с мистером Эб-
ботом завтра. Только не с утра, пусть сначала протрезвеет.

Просыпаюсь я от грохота ставень. Похоже, гость не догадался закрепить их на крючки... Сонно простонав, накрываюсь одеялом с головой. Но мистраль – как здесь называют холодный северный ветер – сильный, так что окна могут и разбиться.

А этот на кухне снова разговаривает сам с собой. Слов через потолок не слышно, но по интонации понятно, что снова стихи.

Я тянусь за телефоном: восемь утра. Рановато для знакомства. Странное чувство потерянности, охватившее меня прошлым вечером, прошло, и я рада, что вся кровать в моем распоряжении. С Деб спать мало того, что неудобно, так она еще и разговаривает во сне: однажды начала бормотать что-то про политику консервативной партии.

Одинокий гость продолжает ходить по дому. Интересно, как он выглядит... Данных у меня не так и много – ноги и голос. Полагаю, кудрявый брюнет, щетина, пара пуговиц на рубашке расстегнута, а на шее фамильный кулон.

Гость напевает что-то смутно знакомое, и я улыбаюсь, глядя в потолок: мелодию он перевирает безбожно.

Когда я встаю в полдесятого, он, судя по звукам, уже на террасе с чашкой кофе. Гудение кофемашины и его шаги по дорожке снаружи заставили меня наконец-то вылезти из кровати. Мучительно думаю, что надеть – шорты, юбку, платье? В итоге поднимаю с пола майку и вчерашние шорты и собираю волосы в пучок, завязав его одним из браслетов с

запаястья.

Мистера Эббота на террасе нет. Чашки тоже нет – значит, унес с собой. Оглядываю иссушенный газон и клумбы, над которыми садовник Виктор потеет каждый четверг. Там гостя тоже нет. Может, мне послышалось? Иду на кухню.

Сегодня тут почище. На столе записка:

Здравствуй, призрачный зритель! Прости за бардак, я вчера немного увлекся. Я уйду на прогулку, а ты, пожалуйста, проверь ставни у меня в спальне, хорошо? Никак не соображу, что с ними делать, чтобы не хлопали. Шум сводит меня с ума.

Дилан Эббот

Это его-то шум сводит с ума?! Закатив глаза, сминая бумажку и засовываю в задний карман. Ничего там особо сложного. Потрать он десять секунд, и нашел бы, как закрепить ставни крючками к стене.

Тем не менее я поднимаюсь в его спальню. Мне отлично известно, какую из комнат он выбрал. Я уже на слух определяю, какая из дверей дома открывается. Иногда еще путаю ванны в третьем и четвертом номере, шестую и восьмую спальни, но с остальными проблем нет.

Он выбрал лучшую из комнат, как раз ту, с балкона которой мы с Деб любовались звездами. Кровать с балдахином, тяжелое покрывало из синего шелка, а из огромных окон открывается вид на виноградники. Постель не заправлена, одежда комом лежит у двери в ванную, похоже, сброшенная

перед походом в душ. Запах в комнате, как и от его куртки: апельсиновый, мускусный, мужской.

Открываю окно. Ясное дело, со ставнями все нормально. Закрепляю их на крючки и подумываю оставить ответную записку. «Посмотри на ставни и делай так же», и подписаться «призрачный смотритель». Ну уж нет! Летняя Адди никакой не призрак! Шутки ради дышу на стекло и вывожу: «Аделина». Без поцелуйчика или смайлика, само собой.

Гость не возвращается так долго, что я решаюсь искупаться в бассейне – если жильцы не видят, то можно, так сказала мама Шерри. Стук в дверь раздается, когда я уже вернулась в квартиру и выжимаю волосы над раковиной.

Оглядываю себя. Да-а... На мне только мокрый купальник. Мчусь в спальню и судорожно роюсь в шкафу, хотя это бесполезно: все вещи или в стирке, или на полу.

Снова стук. Чтоб его! Хватаю с пола комок оранжевой ткани – как выясняется, летнее платье. Пятен вроде нет, значит, сойдет. Натягиваю его на ходу и бросаюсь к двери.

Наконец открываю. Вот и он. Совсем не такой, как я воображала. Первое, что я заметила – его глаза: бледно-зеленые, почти желтые, и немного сонные. Необычайно длинные для мужчины ресницы, взлохмаченные каштановые волосы, чуть выгоревшие на солнце. Светлая льняная рубашка, мятая и с расстегнутыми пуговицами – хоть тут я угадала. Кулона, правда, нет, зато на мизинце красуется золотой перстень. А

за спиной у него – мои мокрые следы от бассейна до дома.

– О... – Он удивленно меня оглядывает, и прядь волос падает ему на глаза. – Привет!

– Здравствуйте. – «Мистер Эббот» я пропустила – какой он «мистер», мы ровесники.

Вода с мокрых волос стекает по спине, приятно охлаждая кожу. Это даже хорошо, а то как-то я разволновалась.

Он тихонько усмехается.

– А я-то представлял тебя морщинистым стариком, мой призрачный смотритель!

– Почему? – смеюсь я.

Он пожимает плечами. Похоже, я разволновалась не столько из-за панических поисков одежды, сколько из-за него – эти зеленые глаза, свободная рубашка...

– Смотритель! Так и вижу старика.

– Ну, я тебя тоже иначе представляла, – решительно отрицаю я. – «Семья Эбботов»! Звучит как... Ну, нечто больше, чем один человек.

– Ну да. Остальные передумали, так что приехал только я. Кстати, спасибо за ставни! Ты просто волшебница.

– Они просто... – Запнувшись, решаю не объяснять. – Не за что.

Рассматриваем друг друга. Представляю себя со стороны: и сутулые плечи, и мокрые пятна от купальника на платье. Его взгляд медленный и уверенный, так смотрят на своих жертв мужчины в барах. Хотя как-то это слишком нарочито.

Будто видел, как это делает кто-то другой, но сам никогда не пробовал.

– Чем-то еще могу помочь? – спрашиваю я, поправляя платье, которое так и липнет к купальнику.

– Начнем с того, что я потерял ключ... – Его взгляд на мгновение становится задорным и мальчишеским. Намного лучше. Так он даже кажется милым, хотя слегка напоминает щенка йоркширского терьера. Или участника музыкальной группы, еще не добившейся успеха. – Вечно их теряю...

– Без проблем, дам другой.

– Спасибо большое! И еще... – Подумав, он продолжает: – Я ищу кое-кого...

– В смысле?

– Ищу кое-кого, и, может, ты могла бы мне помочь...

Это уже любопытно. А он все-таки симпатичный. Его взгляд скользит по мокрым пятнам, но он быстро отводит его, снова боится, что я заметила. Я стараюсь скрыть улыбку. Интересно, он всегда такой взлохмаченный или только с похмелья?

– У тебя есть машина?

Киваю.

– Отвезешь меня кое-куда?

Дилан

Мокрые волосы, глаза цвета морской волны... Водная

нимфа! Я вызволил ее из мрака квартирки без окон! Она ждала меня, и я пришел освободить ее.

Ладно, кажется, я выпил лишнего. Надеюсь, она не заметит. Стараюсь смотреть на нее с уважением, а не беспардонно пялиться, но в обед я выпил почти бутылку вина, сидя на холме над виллой с томиком стихов Сидни «Астрофил и Стелла», и должен признаться, что не вполне доверяю собственным суждениям.

Садясь в машину голубоглазой смотрительницы, силюсь как можно скорее протрезветь и разобраться, что она говорит – что-то про ставни, – но в голове вместо этого крутятся новые строки, что-то об изящных пальцах с обкусанными ногтями.

Мы выезжаем за ворота, и я успеваю оценить ее профиль: аккуратный вздернутый носик, россыпь веснушек на скулах, словно капли воды на песке. Грудь сжимает то страхом, то волнением, а может, и попросту желанием. Я знал, что лето будет волшебным, и вот!.. Ветер звенит в ушах, луч солнца ласкает щеку, а подле меня темноволосая красавица, ее бедра фарфорово-бледны на темном сиденье, ее...

– Ты так дверцу ломаешь.

Вздрагиваю от неожиданности.

– А?

– На холодильнике. Ты дергаешь ручку снизу, а надо брать за верх, поаккуратнее. Иначе нам с Деб придется искать мастера, а местные нас и без того дурочками считают. Никто не придет, и будем чинить сами.

Весь настрой улетучивается.

– А ты откуда знаешь? – взяв себя в руки, спрашиваю я. – Следила за мной, маленький призрак?

Ее голубые глаза сердито блестят, над верхней губой темнеет родинка.

– Я тебе не «маленькая», ясно? Давай без покровительственного тона.

Вздыхаю. Вдохновение и красота момента испаряются. Ну что я делаю не так? Она ж и правда маленькая: хрупкая, острые ключицы, тонкие запястья. С чуть заметной улыбкой девушка отворачивается к дороге. Видимо, услышала мой вздох.

– И я за тобой не следила, – продолжает она. – Просто слышала. Верхняя полка дребезжит, когда ты дергаешь холодильник.

– Слышала?..

Хм. Эти два дня я только и делал, что декламировал строки из «Королевы Духов» – источника вдохновения для сборника стихов, над которым я работаю. А вчера пел Тейлор Свифт в бутылку вина вместо микрофона.

– У тебя прекрасный голос! – говорит она и прикусывает губу. Белые зубки впиваются в мягкую розовую кожу, и на миг я представляю, как они покусывают мое голое плечо.

– Правда?

– Нет, конечно! – Она смотрит на меня с недоверием: – Ты безнадежен, сам, что ли, не знаешь?

Я сглатываю – скрывать обиду все труднее, честно говоря.

– Говорили ли тебе, мой призрачный смотритель, что ты бываешь груб?

– Меня зовут Адди. И я не грубая. Я... прямолинейная. И в этом мое очарование. – Она говорит так, будто сама только осознала эту свою черту, а затем одаривает меня улыбкой, которая пронзает меня насквозь.

Крутившаяся в голове строчка стихотворения мгновенно улетучивается. Все мысли лишь об изгибе ее губ и о том, как платье облегает грудь. О да, она действительно нимфа; нимфа с характером, с зубами и коготками, сама нежность – но и сама неистовость. Маркусу она бы понравилась.

Непривычно здесь без Маркуса. Мы с ним путешествовали вместе все лето, но потом меня ждали три недели с семьей на вилле, а родственнички взяли и отменили поездку после типичного многолетнего спора семейства Эбботов под лозунгом «Вы все сплошное разочарование». И у этой классики неизменный конец: отец плюется слюной и оскорблениями, а мы с братом сорим деньгами, только бы его позлить. В этом году отец легко отделался, я всего лишь уехал в отпуск, лишив его возможность вернуть все предоплаты.

Мама до сих пор оставляет мне по три голосовых в день. Все одинаковые: «Дилан, сынок, папа очень сожалеет. Пожалуйста, перезвони нам!» Раз он так сожалеет, чего сам не позвонит?

Это он придумал отправить меня в Европу. Как типичный

английский джентльмен, я должен предаться буйным излишествами на материке, прежде чем приступить к обязанностям взрослой жизни. Естественно, ничего такого я не делал, просто искал Грейс. Но Грейс непросто найти. А вот Адди, прекрасная маленькая фея из подземелья, прямо тут.

– Так кто, говоришь, видел твою подругу в Ла-Рок-Альрик? – спрашивает Адди, проезжая мимо виноградников. Мы одни на дороге, и даже сквозь шум ветра слышна причудливая мелодия кузнечиков в выжженной траве у шоссе.

– Знакомый знакомого. – Я неопределенно машу рукой.

На самом деле, я вычислил ее по лайкам в соцсети, но Адди об этом знать необязательно. Алкоголь слегка выветрился – свежий горный воздух помогает, – но с отрезвлением приходит и некоторое смущение. Адди очень остроумная и уверенная в себе, про шикарные ноги вообще молчу, а я даже не причесался с утра. Проклятье.

– Она пропала, да?

– Она девушка оригинальная. Хочет оставаться загадкой, – подумав, отвечаю я.

– Банально. – Адди пожимает плечами.

Хмурюсь.

– Нет, вообще-то, она замечательная.

– Как скажешь.

Грейс и Маркус встречались весь третий курс, хотя парой себя не называли. Когда мы отмечали конец летней сессии, Грейс бесстыдно со мной заигрывала, а Маркус только сме-

ялся.

«Ну а что? – заявил он, когда Грейс села мне на колени, а я растерянно обернулся на друга. – У нас же с тобой все общее!»

И вот мы с Грейс начали... Короче, что-то начали, а потом она исчезла.

«Отправляюсь в путешествие, мальчики, – гласила ее записка. – Догоняйте! Г.»

Сперва было весело, и у скитаний по Европе появилась цель, однако Грейс мы до сих пор не нашли, а ее подсказки – неясные сообщения, голосовые послания по ночам и послания, переданные через владельцев хостелов, – стали все короче. Я начал подозревать, что она потеряла к нам интерес и ее уже не найти. Но это значило, что мне придется думать, как быть дальше, ответить на вопрос, какого черта я делаю со своей жизнью, – вопрос, которого я всячески избегаю.

Дорога вверх по холму ведет в темный лес, потом выходит на опаленные солнцем виноградные ряды. Не хочу жаловаться, но Адди водит слишком медленно. Даже по полосе для разгона она плетется как старушка на «шкоде»!

– Ты похож на человека, в семье которого есть водитель, но все равно комментарии так и лезут наружу, да? – вдруг спрашивает Адди.

– У отца и правда есть водитель, но я предпочитаю ездить сам.

– Вы гляньте! Обычный парень, как все, – смеется Адди.

Я сержусь сначала на нее, и сразу же на себя, потому что остроумный ответ никак не приходит в голову. Но тут я забываю обо всем – за поворотом открывается потрясающий вид на стоящую на скале деревню. Грубый камень усеян домами бледно-песочного оттенка, крыши кренятся в разные стороны меж кипарисов и олив. А на вершине стоит замок, и узкие башенные оконца глядят на нас, прищурившись...

– Прямо как в сказке! – восхищенно присвистываю я.

– Моей сестре здесь не нравится. Она терпеть не может высоту.

– А ты пессимистка, – замечаю я, когда мы поднимаемся к деревне.

За оливковыми рощами следуют колючие живые изгороди и каменные стены, вырубленные в склонах, сквозь трещины которых упрямо пробивается выцветшая трава.

– Я?! – удивляется Адди.

– Сказочный замок слишком высоко, моя загадочная подруга – скучная, пение жильцов тебе тоже не по душе...

Задумавшись, она поджимает губы, и родинка чуть сдвигается. И я снова ускользаю в фантазии, представляя, как приближаются ее губы, как целую ее. Она смотрит на меня, и, кажется, ее взгляд тоже затуманен. В горле пересыхает.

Адди прижимается к обочине, пропуская фуру, громящую вниз по холму.

– Не пессимистка, скорее – практичная.

Вино еще не окончательно выветрилось, и я закатываю

глаза. Она замечает это и смеется:

– Чего?

– Ничего, просто слово такое. Сразу представляешь эдакую дородную тетушку, штопающую носки.

– Ну спасибо! – сухо отвечает Адди, опуская очки на глаза: низкое солнце нещадно палит над извилистой дорогой.

– Сама сказала, что «практичная». Я бы назвал тебя... вздорной.

– Пешком пройтись захотел?

– Не согласна? – Я нарочно ее поддразниваю. – Упрямая? Дерзкая?

Она улыбается уголком рта.

– Дразнишься, да?

Значит, ей нравятся подначки. Учту.

– Демонстрирую отсутствие предрассудков, после того как неудачно назвал тебя маленькой.

– И осуждал, как я вожу.

– Виноват.

Кажется, Адди немного оттаяла.

Наконец, мы доезжаем до деревни. Какая красота! Меж домов виднеются оливковые деревья и виноградники, а за ними туманно-голубые пики гор. В воздухе предчувствие чего-то необыкновенного... Словно это не реальное место, а декорации. Вновь ощущаю величие момента и полной грудью вдыхаю пряный аромат.

Адди паркуется у маленького кафе. За уличными столика-

ми сидят несколько французов, с легким интересом наблюдая за нами. Я спрашиваю продавщицу, видела ли она высокую девушку с длинными розовыми волосами, с пирсингом в носу и татуировкой розы на плече. Нет, не видела. Ладно, а с фиолетовыми волосами? Или синими? Грейс перебирает цвета, как Маркус – хорошеньких первокурсниц, еще не знакомых с его репутацией.

Оказывается, девушка с синими волосами заходила на прошлой неделе. Обедала с каким-то пожилым мужчиной с большим животом, а еще у него были карманные часы. Точнее, сидела у него на коленях и кормила сыром. И на словах ничего не передавала.

Хм-м. Хочется сказать, что на Грейс это совсем не похоже. С другой стороны, а что на нее похоже? Она непредсказуема. Думаю, потому она и нравится Маркусу.

– А у тебя неплохой французский, – подмечает Адди по дороге к столикам на веранде.

– Сносный. А твой как?

Интересно, сколько она поняла из всего разговора?

– Вообще фиговый. Но, похоже, твоя подруга была не одна? – с любопытством спрашивает Адди. За столиком она вытягивает ноги, и заинтересованные французы косятся в ее сторону. – Переживаешь?

– Да не особенно. – Приглаживаю непричесанные волосы и стараюсь не пялиться на ее ноги.

Она вскидывает бровь и снова слегка ухмыляется.

– Очень уж ты стараешься ради женщины, которая даже открытки тебе не прислала.

– Ты просто не знаешь Грейс. – Надеюсь, она не решит, что я сталкер и преследую девушку против ее воли.

– Так почему твоя семья не приехала? – склонив голову набок, меняет тему Адди.

Интересно, она тоже волнуется? Если да, то хорошо это скрывает! Сложно прочесть эмоции на ее нежном, точеном, словно эльфийском, лице – оно безмятежно, как озерная вода.

– Семейная ссора, ничего особенного.

– И где же твои родственники? Неужели предпочли остаться дома, а не провести три недели на вилле «Сёриз»? Странно. Это же потрясающее место!

Тут не поспоришь, и сам я рад, что приехал, так что бормочу что-то про прекрасную возможность. Взгляд Адди теплеет, и смотрит она на меня чуть дольше обычного, так что сердце мое начинает бешено колотиться, но все-таки я выдавливаю из себя вопрос:

– А как ты тут развлекаешься?

– Секс с гостями. С утра до ночи. Со всеми кувыркаюсь! – невозмутимо выдает она и потягивает лимонад через соломинку.

Даже «кувыркаюсь» звучит безумно возбуждающе в ее устах. У меня два месяца не было секса, и сейчас я только о нем и думаю. Умираю от желания ее поцеловать.

– Серьезно?

– Нет, конечно! Это же ужасно непрофессионально. Точно. Спыхватившись, поднимаю глаза от ее губ.

– Шучу! – смеется Адди.

Теперь я в полном недоумении. Она и правда спит с гостями? Боже, надеюсь, что нет. Если это так, придется переехать в соседний отель. Правда, это пахнет отчаянием... Глаза Адди игриво блестят. Я пытаюсь собраться с мыслями.

– Почти все жильцы у нас, скажем так, старикашки. Папули, дедули, плюс богачи в обнимку с молодыми красотками.

– Да? Значит ты...

– Последние два месяца присматриваю за виллой.

– Ясно. Конечно!

– И допиваю вино, которое остается после гостей. Загораю. Плаваю на спине в огромном бассейне и смотрю на звезды.

Я снова люблю ее ногами, и, заметив это, она насмешливо щурится и спрашивает:

– О чем думаешь?

Сердце бьется быстрее.

– Вслух такое не говорят.

– Да ну? – Она приподнимает брови и улыбается еще шире. Скинув сандалии, она касается меня под столом босой ступней. – Тогда поищем место поукромнее?

– Сколько ехать до виллы? – выпаливаю я, не успев подумать.

Она бросает ключи через стол.

– Смотри кто за рулем.

– Спорим, уложусь в пятнадцать минут?

– По рукам! Но, чур, без грязных приемчиков!

Мое воображение разбушевалось. Вынув соломинку, в два глотка осушаю бокал под смех Адди. Теперь я понял, для чего построили эту деревню – сотни лет назад ее придумали ради этой минуты, когда Адди обует сандалии и пойдет впереди меня к машине, многообещающе покачивая бедрами.

Сейчас я самый быстрый водитель в мире.

Адди приспускает платье с одного плеча, затем с другого. Процент двадцать моего внимания уходит на дорогу, а ведь я еще выпил в обед. Но даже об этом я тут же забываю, потому что Адди стягивает платье до талии. Не могу оторвать глаз от ее фарфоровой кожи. Два крохотных треугольника ярко-оранжевого бикини завязаны на шее, широко распахнутые глаза задорно сияют, на губах дразнящая улыбка. В горле пересыхает от волнения. Вот бы Маркус сейчас это видел! У меня в машине раздевается девушка, я мчусь по узкой дороге где-то во Франции в лучах яркого солнца. Потом Адди касается моей ноги, и я мигом забываю про Маркуса. Я откровенно лихачу, но в такой момент и умереть не жалко!

Когда мы наконец приезжаем в «Сёриз», я дрожу от желания. Я поворачиваюсь к Адди и замечаю в ее глазах озорную искорку, вызов... и уязвимость. Нежная кожа вся по-

крылась мурашками от прохлады кондиционера, соски затвердели под тонкой тканью. Мое дыхание учащается. С чего начать? Она скользит взглядом по моим губам, но отвлекается, повернувшись к окну. Набираюсь храбрости, чтобы положить руку ей на бедро...

– Хм, это не Деб...

Под платанами у виллы припаркована машина. Но я никак не могу на ней сфокусироваться. Машина, да, но какое это имеет значение. Я хочу поцеловать Адди, сейчас нет ничего важнее.

– Ты кого-то ждешь? – спрашивает она.

Адди натягивает платье обратно, и я издаю разочарованный стон, однако притворяюсь, что закашлялся.

– Эм, нет.

Нехотя рассматриваю машину, пытаюсь успокоить пульс. Стоп, это же... Нет, не отец, слава богу. А вот куртка, висящая на заборе, мне знакома. «Гуччи», коричневая кожа – перепутать невозможно. Дядя Теренс носит ее почти каждый день на протяжении всех двадцати двух лет моей жизни.

– Да быть не может, – раздраженно вздыхаю я, глушу мотор и утыкаюсь лбом в руль.

– Что такое?

– Дядя Терри.

– Твой дядя здесь?!

– Он собирался приехать, но потом мы все перессорились. Устало прикрыв глаза, выхожу из машины.

– Дилан, мальчик мой! А я уж думал, ты в бега ударился, – голос Терри доносится с террасы. – О, кто эта прекрасная молодая леди? Где нашел такую красотку?

Что ж, это помогло. В этом мире нет более отвратительного человека, чем мой дядя Теренс.

– Привет, Терри, – вяло откликаюсь я. – Это Адди, она работает на вилле.

– Здравствуйте! – Адди машет ему рукой. – Вам что-нибудь нужно, сэр?

Недоверчиво кошусь на нее. Она натянуто, дежурно улыбается: так приветствуют клиентов. Приятно видеть, насколько эта пластиковая улыбка отличается от той искренней и озорной, которой она встречала меня.

– Ужин! Вы ужины подаете?

Я морщусь.

– Она не...

– Разумеется, – невозмутимо отвечает Адди и поправляет платье. – Местная кухня просто отличная, я принесу вам список ресторанов.

Гляжу ей вслед: уже никаких покачиваний бедрами. Меня накрывает тоска.

– Хорошенькая, – говорит Терри, спускаясь ко мне. – Но я полагаю, ты все еще влюблен в блондинку из Атланты?

Я снова вздрагиваю, когда Адди на минутку замирает в дверях. Терри во всех смыслах отстал от жизни: и куртка у него родом из девяностых, и про Мишель из Атланты я уже

давно не вспоминал.

– Что ты здесь делаешь, дядя Терри?

– Птичка на хвосте принесла, что ты все-таки решил поехать! – Он радостно ухмыляется. – Три недели на солнышке с вином и любимым племянником, да еще без дорогих родственников? Не отпуск, а мечта! Давай, парень, выпьем за встречу.

Неохотно поднимаюсь на террасу. Гладь бассейна голубовато мерцает, а за ней в ослепительном свете солнца вырисовываются виноградники.

Терри похлопывает меня по спине. Волос у него почти не осталось, и теперь он щеголяет лысой макушкой, как средневековый монах.

– Рад тебя видеть, Дилан.

– И я тебя, Терри, – скалюсь я.

Семья. Словно навязчивая мелодия, назойливый комариный писк. Как же от них отделаться?

И, что еще более важно, как отделаться от дяди Терри?

Сейчас

Адди

Высоко поднявшееся солнце играет лучами на лобовом стекле. Прищурившись, смотрю на дорогу сквозь солнечные очки: она такая пыльная, что хочется протереть.

До Шотландии еще почти пятьсот километров, и оттого, что Дилан рядом, становится трудно дышать. Хотя за полчаса он ни слова не сказал. Улавливаю легкий аромат дерева с ноткой апельсина; значит, лосьон после бритья у него прежний.

– Я человек вполне цивилизованный, благодарю покорно, – говорит Маркус Деб.

Деб назвала его неандертальцем. Он сказал что-то сексистское, что именно, я не уловила, и это, наверное, к лучшему.

– Да ладно!

– Угадай, что я на днях делал?

– Ну-ка?

– Кремом намазался!

Едва сдерживаю улыбку. Я и забыла, каким Маркус может быть обаятельным, когда хочет.

– И знаешь, на что Дилан меня уговорил?

– На что? – подает голос Родни, когда Деб не отвечает, уткнувшись в телефон, и Маркуса это явно бесит. Он любит безраздельное внимание.

– Он заставил меня пойти к его психологу, – театрально шепчет Маркус.

Я моргаю, осознавая услышанное. Маркус проходит терапию? И Дилан тоже? Даже представить трудно. Будто они вязанием увлеклись. Готова поспорить, что у психолога полно работы: годы и годы материала.

– И как тебе? – спрашиваю я Дилана будто бы невзначай и замечаю, как он судорожно сглатывает.

– Спасибо, нормально.

Ясно. Ну что ж. Мы снова едем молча. Так и хочется спросить, зачем ему психолог. Когда он начал к нему ходить? Неужели из-за меня? Но мир вокруг меня не вертится.

– Я осознал, что немного... Что некоторые отношения в моей жизни были не совсем здоровыми. – Он снова сглатывает.

На заднем сиденье все замолкают.

– Ну и подумал, что без помощи не разберусь. В смысле, профессиональной.

Краснею до ушей. Хотела узнать – вот и получила.

– Давайте поиграем, – предлагает Маркус. – Мне скучно.

– Только скучные люди скучают, – язвит Деб.

– Только скучные люди так отвечают, – парирует Мар-

кус. – Пять любых вопросов, начинаем с меня. Спрашивайте о чем угодно. Поехали!

– Твой худший поступок? – включается Деб.

Маркус фыркает.

– По какой системе ценностей предлагаешь определять «худшее»? Традиционные нормы морали не для меня.

– Кто бы сомневался, – вяло комментирует Деб.

Маркуса задевают ее слова.

– Один раз я своровал у соседа утку и приготовил, – подумав, говорит он. – Домашнюю утку, любимца. Пойдет?

Мы дружно ахаем.

– Жуть! – восклицает Родни. – Зачем?

Маркус пожимает плечами.

– Есть было нечего, все магазины закрыты.

– Ты ее съел? – Я слышу, как Родни ерзает на сиденье.

– С китайским соусом. Следующий вопрос?

– Ты когда-нибудь влюблялся? – спрашивает Деб. – Или это тоже не вписывается в твои нормы морали?

Молчание тянется слишком долго. Не смотрю на Дилана.

– Я влюбляюсь по сто раз в месяц, милая, – беспечно отвечает Маркус.

Включается песня Тейлор Свифт.

– Невозможно влюбляться по сто раз, – встречаю я, не успев подумать. – Так не бывает. Ты бы не выдержал.

Маркус еле слышно хмыкает. Я краснею.

– Я влюбилась всего раз в жизни, когда акушерка передала

мне сына, – говорит Деб.

Киваю сестре с благодарностью за смену темы. Чувствую, как Маркус сверлит взглядом мой затылок. Он отвернется, если я посмотрю на него, но мне не хватает духу.

– Единственный мужчина с моей жизни, ради которого стоит прилагать хоть какие-то усилия, – продолжает Деб, мимолетом улыбнувшись мне. – Еще вопрос Маркусу?

– Твой самый добрый поступок ради кого-то другого? – интересуется Родни.

Все удивленно на него косятся.

– Плохой вопрос? – теряется он.

– Господи, парень, нельзя же быть таким милым со всеми.

– Но, разве...

– Он просто вежливый, Маркус, – вмешиваюсь я. – Хорошая черта. Люди обычно ценят.

Маркус вскидывает брови. В его глазах что-то мелькает – возможно, вызов.

– Дилан, смотри в оба. У тебя соперник завелся, – заявляет он.

– Заткнись, Маркус, – огрызаюсь я. – Ты же знаешь, что все не так.

– Да ладно вам, перестаньте. – Дилан тянется к радио и делает погромче.

– Не так? – не сдастся Маркус. – Ну-ну. Это мы уже проходили.

Злость поднимается во мне волной, щеки пылают. Нена-

вижу его. Ненавижу. Ненавижу, но до сих пор не хватает храбрости его послать. А так хочется!

– Маркус, – обрывает его Дилан, – не надо. Не говори того, о чем потом будешь жалеть.

– Я пожалею, что не вмешался! Как я могу молчать, когда ты, оказывается, все еще по ней тоскуешь. Эта женщина сломила тебя, Дилан. Я думал, ты это уже осознал. Лучше тебе выпрыгнуть из машины на полном ходу, чем позволить ей снова влезть к тебе в душу.

Какого черта? Сердце колотится от злости, дыхание перехватывает. Открываю рот, собираюсь наорать на Маркуса, но Деб меня опережает:

– Пошел ты! Ты про мою сестру ничего не знаешь, и...

– Ой, все я про нее знаю!

– Закрой рот, Маркус! – рявкает Дилан, и я вздрагиваю, до боли вцепившись в руль.

– Не закрою! Меня это достало! Думаешь, я дурак ничемный, лезешь спасать, когда...

– Адди?.. – нерешительно перебивает Родни.

– Тебе повезло, что Дилан с тобой дружит, – говорит Маркусу Деб. – Что у тебя вообще есть друг!

– А тебя никто не спрашивал! – орет Маркус.

– Адди! – продолжает Родни настойчивее. – Адди...

– Да, да... – вздыхаю я. – О господи...

– Это меня-то никто не спрашивал?! – вскипает Деб.

– Маркус, ты же обещал постараться, ты сказал... – Дилан

пытается уговорить Маркуса.

А Родни продолжает произносить мое имя, все громче и громче, и...

– Заткнитесь, все! – кричу я.

Машину заносит. Я сперва подумала, из-за меня – голова кругом, – но нет. Почему ведет влево? Гололед? Нужно повернуть в сторону заноса! Но сейчас жара, даже марево стоит над дорогой. Какой там лед!

Перестраиваюсь в левый ряд. Сворачиваю к краю дороги, выкручивая руль вправо, чтобы выровняться. Надо сбавить скорость. На один безумный миг мне кажется, что я жму не на ту педаль: торможу, а реакции ноль. Словно кричишь, а изо рта не вылетает ни звука. Жму педаль сильнее, и машина чуть замедляется, но все равно уходит в сторону. Невольно всхлипываю от напряжения и страха.

– Давай на обочину! – подсказывает Деб. Остальные молчат, слышно лишь тяжелое дыхание.

Переключаю передачи: третья, вторая, первая. В ушах стоит гул. И шея, оказывается, до сих пор ноет.

– Держитесь!

Мы едем не быстрее пятнадцати километров в час, но, когда я дергаю ручной тормоз, всех кидает вперед. Машина наконец-то останавливается. Сидим в тишине, а затем, очень медленно, я опускаю лоб на руль. Дилан тянется вперед и нажимает кнопку аварийки, и мы возвращаемся к реальности.

– Охренеть, – шепчет Маркус.

– Надо же, как... – вторит Родни.

– Все живы? – спрашивает Деб.

Не поднимая головы, поворачиваюсь к Дилану: он застыл в шоке. Такое же у него было выражение, когда он стоял в дверях квартиры, а я била его кулаками в грудь и кричала, чтобы не смел меня бросать.

Маркус нервно смеется.

– Чтоб мне провалиться, Адди Гилберт! Ты спасла нас.

Никак не могу отдышаться. Интересно, к переживаниям, связанным со смертью, можно привыкнуть, или, наоборот, с каждым разом становится все страшнее? Должна ли я быть спокойнее, потому что сегодня уже попадала в аварию? Или паниковать сильнее, потому что еще не отошла от утреннего испуга?

Снаружи стучат в стекло, и я взвизгиваю, схватившись за сердце. С заднего сиденья тоже раздаются разрозненные крики. Но больше всего удивляет реакция Дилана: он заслоняет меня рукой, словно защищая от удара.

– Эй?! Вы там как?

Сощурившись на солнце, разглядываю крупного мужчину лет пятидесяти с серебристой щетиной на подбородке, из-под белой жилетки виднеется кусочек татуировки: «бескрыст...»

– Помощь нужна? – снова интересуется он.

Дилан убирает от меня руку и опускает окно.

– Здравствуйте! Какая-то поломка. Ну, это и так понятно.

– Ага, видел.

Незнакомец сочувственно кивает и машет наверх: мы остановились перед переходом через автостраду и, похоже, он заметил неладное и спустился. Какой хороший человек! Или коварный убийца, кто знает.

– Наверное, следует позвонить аварийным комиссарам? – предлагает Родни.

– Нам, наверное, стоит выйти, да? – я обращаюсь к доброму самаритянину, наблюдающему за нами через окно машины.

– Да, только давайте с моей стороны.

Дилан вылезает первым, затем Деб, Родни и Маркус. Я же ловко переползаю над рычагом переключения передач.

Тем временем незнакомец уже оценивающе разглядывает Деб.

– Привет, красавица, – радостно здоровается он.

Деб бросает на него беглый взгляд, и я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Нет у нас времени на эту ерунду.

– Позвоню пока в страховую, – говорю я, глядя в телефон. – Кто-нибудь может дойти до ближайшего столба, на котором написано, где конкретно мы находимся?

– Я схожу, – говорит Дилан и откашливается – голос прозвучал пискляво.

Деб уже роется в багажнике, а Родни подходит к нашему доброму самаритянину.

– Здравсьте, а как вы тут оказались? – бодро начинает он

тоном человека, не умеющего вести светскую беседу.

Устало прикрываю глаза. Не о таких выходных я мечтала. Я должна была мчать по шоссе, горланить кантри, а Деб на соседнем сиденье поедать конфеты пачками. План был такой. Ну почему все пошло наперекосяк?!

Дилан возвращается к машине. Он ослепительно красив: футболку колышет ветерок, руки засунуты в карманы. Он говорит, на каком мы километре трассы, и я звоню в страховую компанию, глядя на поток машин, лишь бы не на Дилана.

Добром это не кончится. Я не о проблемах с машиной, а про Дилана: увидев, как он идет по обочине, и ветер развеивает его волосы, я мгновенно забыла и про кантри, и про конфеты. Просто была рада, что я здесь, с ним.

Два часа. Целых два!

– А по моей страховке техпомощь приезжает за тридцать минут, – кичится Маркус, пока я расстилаю покрывало, чтобы присесть на обочине.

Боже, как я его ненавижу. И его комментарии до сих пор меня задевают. Я бы вышвырнула из машины любого за слова, что я сломила Дилана, но с Маркусом иначе. Мне приходится бороться, чтобы не скатиться в прежнюю Адди. Маленькую Адди, вечно остающуюся на вторых ролях. Маркус пробуждает во мне худшее во всех отношениях.

– Могу поспорить, что моя страховка и дешевле, – изображая спокойствие, отвечаю я.

– А кто виноват? Скупой платит дважды, – заявляет он, однако в глаза мне все-таки не смотрит.

Дилан, Родни и Деб разошлись по кустикам, и я уже жалею, что мне достался такой крепкий мочевого пузыря. Уго-раздило же остаться наедине с Маркусом!

Нужно быть выше мелочных разборок. Вести себя по-взрослому.

– Мы с Диланом на время забыли о прошлых обидах, Маркус. Может, и тебе попробовать?

– Мечтай! – фыркает Маркус.

Добрый самаритянин покашливает у меня за спиной:

– Ну, я тогда пойду?..

– Ох, извините! – Я оглядываюсь на него. – Большое спасибо за помощь!

Мне сейчас совсем не до вежливости к незнакомцам, одного только растяпы Родни хватает с лихвой. За ним надо приглядывать, как за ребенком, или за моим папой на семейном застолье.

– Извините, не расслышала, как вас зовут?

– Кевин. Я дальнобойщик. – Автомобильный поток так шумит, что мы горланим, как в людном пабе.

– Кевин-дальнобойщик, – повторяет Маркус. – У вас наверняка куча разных историй. Может, посидите с нами и расскажете.

Обалдеть. Маркус умудрился найти пакет со сладостями, откусил разом половину фруктового батончика и теперь пре-

спокойно жует. Нахмурившись, перевожу взгляд на Кевина.

Он не улыбается, но лицо у него все равно какое-то... приветливое, как у дружелюбного пса. Я уже успокоилась, да и солнце не слепит, так что можно разглядеть его повнимательнее. Невысокий, коренастый, лицо обветренное. Похоже, о внешности не особо заботится. Весь покрыт татуировками: британский флаг над коленом, сбоку на шее дата – 05.09.16, на предплечье маленькая и на удивление милая собачка, а внизу подпись «Прощай, Печенюшка».

Покосившись на Деб, идущую в нашу сторону, Кевин соглашается:

– А почему бы и нет? Я даже не на работе, просто друг попросил помочь. – И вот Кевин-дальнобойщик устраивается рядом с нами.

Потеснившись, усаживаемся вокруг пакета с едой. Солнце достаточно высоко, так что я от души мажусь солнцезащитным кремом, а Деб задирает футболку на животе, чтобы позагорать.

– Отстаем почти на два часа. – Деб, щурясь, смотрит на экран своего телефона. – На подготовку к барбекю уже не успеем. Мы еще в... Кстати, где мы?

– Только Банбери проехали, – подсказывает Кевин, отхлебнув лимонада и передав бутылку Деб.

– Зашибись! – Деб откидывается на покрывало. – Еще пи-лить и пи-лить! Кто предупредит Шерри?

Мы с Диланом переглядываемся: Шерри отнюдь не обра-

дуются, если мы опоздаем к началу свадьбы.

– Давайте немного подождем, – предлагаю я. – Может, ремонтники пораньше приедут. Они же сказали, два часа максимум. И потом, мы с тобой уйму остановок запланировали.

– Расскажите тогда про себя, – просит Кевин, смотря на Деб. – Многовато народу для «мини».

Дилан закашливается. По левой полосе проносится фура, и волосы Деб разлетаются во все стороны.

– Неудачный вопрос? – теряется Кевин.

Маркус тыкает пальцем в меня.

– Года полтора назад Адди разбила Дилану сердце. – Он показывает на Дилана. – А сегодня утром разбила в хлам нашу машину. Она разрушила Дилану жизнь, и из чувства вины решила подвезти нас на свадьбу к Шерри, единственному человеку в мире, которому нравится и Дилан, и Адди.

В висках стучит от ярости. «Адди разбила Дилану сердце»! А он мое разорвал на куски! Я пытаюсь удержать язык за зубами, потому что не должна опускаться до его уровня.

Деб приподнимается на локтях.

– Чушь. Версия поточнее: Дилан ушел от Адди в декабре две тысячи семнадцатого. Самая большая ошибка в его жизни, очевидно, и он это знает.

Дилан опускает глаза на траву.

– Потом Дилан врезался в нашу машину и заодно угрохал свою. Тогда мы, хорошие люди, предложили подбросить его с Маркусом на свадьбу Шерри. К слову, мне тоже нравились и

Дилан, и Адди. – Помолчав, она добавляет: – Но недолго.

Кевин оглядывает всех нас. На его лице явно читается напряженная работа мысли.

– А он? – спрашивает Кевин, указав на Родни.

– Родни просто надо попасть на свадьбу, – машет рукой Деб, укладываясь на покрывало.

– Извините, – лепечет Родни.

Маркус закатывает глаза. Дилан не поднимает головы; жаль, не разглядеть выражения его лица.

– И что, будешь молчать? Ничего ей не скажешь? – Маркус кивает на Деб. – Дилан, господи, наберись смелости. Скажи ей, что все было не так.

Все молчат, и слышен лишь рев моторов.

– Але! – Маркус встает и отряхивает джинсы. – Я один помню две тысячи семнадцатый?

– Маркус, – тихо просит Дилан, – успокойся, ладно?

– Успокоиться? Успокоиться, да?!

– Маркус! – прикрикивает Дилан.

Родни переводит взгляд с Маркуса на Дилана, будто настольный теннис смотрит. Стискиваю кулаки. Мышцы напряжены, и я готова вскочить и уйти.

– А как же Этьен, Дилан?

Впиваюсь ногтями в ладонь. Сердце глухо стучит в груди. Я все-таки надеялась, что Маркус этого не скажет.

– Не говори о том, чего не знаешь, – огрызается Деб.

Кевин следит за нами, наморщив лоб.

– Обалдеть! Прямо ток-шоу.

– Да? И чего я не знаю? – В голосе Маркуса звучит неподдельное раздражение.

Больше не могу здесь сидеть. Тело свело от напряжения. Я вскакиваю, опрокинув стакан Родни. Он ойкает и ставит его на место, но пятно сока уже растекается на покрывале.

Иду в сторону перехода через автостраду с бешено бьющимся сердцем. Слышу, что Деб меня зовет, однако не оборачиваюсь. Пару минут спустя понимаю, что за мной кто-то идет, и догадываюсь – Дилан.

– Возвращайся к остальным, – бросаю я через плечо.

– Нет.

– Дилан, просто уйди.

Он молча шагает у меня за спиной. Ускоряюсь и поднимаюсь на мост. По обе стороны дороги раскинулись зеленые поля с вкраплениями белых цветов. Прямо как в деревне, если не считать рева машин под ногами.

– Адди, стой! – Дилан переходит на бег. – Ты в порядке?

Я останавливаюсь и оборачиваюсь так быстро, что он чуть в меня не врежется.

– В порядке? Маркус такой... – Не выдержав, отвожу глаза: невозможно стоять так близко к Дилану. – Настоящий козлина.

– Знаю. Я с ним поговорю.

– Не надо. Просто дай мне успокоиться.

– Я знаю, что это трудно, но лучше всего игнорировать

его...

– О, ты же именно так и делаешь, да?

Надо же, все прямо как раньше. Я злюсь, потому что мне стыдно, но все равно говорю слова, которые причинят Дилану боль.

– А по мне, ты по-прежнему его верный друг. Бегаешь за ним как щенок.

Дилан хочет огрызнуться, но все-таки сдерживается. А мне же тошно от самой себя. Неужели я не изменилась? Такой знакомый разговор, но ведь я могу иначе. Злость отпускает.

– Извини, я не хотела. Просто... расстроилась.

– Сейчас все по-другому. Маркус теперь другой.

М-да, так и поверила. Я отвожу взгляд в сторону, поворачиваюсь и иду дальше через мост.

– Такие как Маркус не меняются.

– Понимаю твои чувства, – спокойно отвечает Дилан. – И все же у Маркуса прогресс налицо.

Дилан идет рядом, задевает мое плечо, немного смазав солнцезащитный крем. На мгновение я снова чувствую его запах. От этого кружится голова, как будто мир искажается и меня переносит в прошлое, как в фантастическом кино.

– Если дело касается меня, не вижу никаких изменений.

– Он ведь не знает всю историю, – тихо напоминает Дилан.

Я спускаюсь с моста и иду вдоль припаркованных машин.

– Но он все равно козлина.

Дилан не спорит, и дальше мы идем молча. Так необычно, будто мы импровизируем в сцене, которую до этого играли сотню раз. Дилан очень серьезен. Когда он расстроился, вся кипевшая во мне злость куда-то испарилась, и теперь мне хочется увидеть его улыбку. Это настолько сильное чувство, что я прижимаю руку к животу, чтобы сдержаться.

– Раз уж мы остались вдвоем, я хотел бы извиниться за свои слова. Ну, про то, что ты со мной не разговариваешь и наказываешь меня, – нарушает тишину Дилан. – Это был твой выбор.

По правде говоря, он всегда уважал этот выбор. Даже несмотря на то, что мне столько раз хотелось взять свои слова обратно.

– Я думала, будет проще, если мы...

– Понимаю. И как, было проще?

Нет, ничуть. Когда Дилан оставил меня, пришлось собирать себя обратно по кусочкам, как разбитую вазу.

– Скажем, эти два года были нелегкими, – заключаю я.

– Согласен. – Он вновь касается моей руки – кажется, в этот раз нарочно. – Жаль, что мы...

– Нет, ни о чем не жалею, – сдавленно перебиваю я.

Помолчав, Дилан продолжает:

– Маркус и вправду изменился. То есть, меняется. Присмотришься сама! Пожалуйста, ради меня.

– Не нужно говорить «ради меня», будто...

– Поверь, я бы не позволил прежнему Маркусу сесть с то-

бой в машину. Он не тот, каким ты его знала.

Задумчиво разглядываю Дилана. Полтора года назад он не сказал бы такого. Снова играю в «Найди отличия»: стрижка короче, меж бровей пролегла морщинка... И когда Маркус мне хамит, Дилан затыкает ему рот. Тоже нечто новенькое.

И морщинка, и волосы, и решительность делают Дилана... взрослее? Ему было больно, но он стал сильнее. Увереннее.

– Наверное, нам пора... – Вздохнув, он оглядывается. – Все-таки мы оставили там очень странную и разношерстную компанию.

Я нервно смеюсь, закрыв лицо ладонями.

– Господи, Кевин-дальнобойщик, наверное, уже всех прирезал.

– Или Родни. Такие тихони...

Улыбаемся друг другу. Я первая поворачиваю обратно, вновь задевая его рукой.

– Я была неправа, – выпаливаю я. – Жаль, что мы перестали разговаривать. Так было гораздо хуже. Я жалею, что попросила тебя оставить меня в покое.

Уголки губ Дилана приподнимаются. Было время, когда я была готова на все, чтобы заставить его так улыбаться.

– Спасибо, что сказала, – просто отвечает он.

Мы молча шагаем обратно к «мини». Я иду медленнее, чем следовало бы. Мне нравится чувствовать Дилана рядом.

Перед спуском к шоссе мы замираем.

– О боже, – вздыхает Дилан, – их и на минуту оставить

нельзя, да?

Дилан

Перед нашими глазами предстает курьезная картина: кажется, на обочине дороги Родни, Кевин и Маркус устраивают любительские Олимпийские игры.

Родни куда-то целится пустой бутылкой, словно копьем, а другой рукой определяет направление – слава богу, метит не в машины на шоссе. На его лице застыло выражение уморительной сосредоточенности. А Маркус с Кевином тем временем поднимают чемоданы, как гири.

– Упор должен быть на ноги, – поучает Маркус, пытаясь поднять мой чемодан. – Сила рук не нужна.

Сестра Адди наблюдает за происходящим, сидя на покрывале, и, кажется – насколько я понимаю в таких вещах, – откачивает молоко каким-то мудреным приспособлением вроде пылесоса.

– Хотя и руки помогают. – Кевин играючи подхватывает чемодан, и бицепс раздувается, когда он несколько раз поднимает его вверх-вниз.

Маркус, никогда не имевший ни терпения, ни целеустремленности, чтобы регулярно ходить в спортзал – да и вообще хоть что-то делать регулярно, – изображает тяжелоатлета и пытается поднять чемодан над головой, но, не дожав и до половины, покраснев от натуги, опускает его на землю.

– Это я только разминаюсь! – хвратится он.

Кевин хмыкает и делает несколько приседаний.

Адди, стоящая рядом со мной, вздыхает.

– Не нравится мне, как Деб смотрит на этого дальнобойщика.

– На Кевина?! Да ты о чем?!

– У нее не было секса после рождения Райли. И как-то обмолвилась, что хочет на выходных «тряхнуть стариной».

Теперь и я тревожусь.

– Так, похоже, Родни тоже участвует в соревнованиях, – замечаю я.

Прицелившись, Родни делает бросок. Издалека он напоминает нарисованного человечка: угловатые коленки, ступни развернуты. Бутылка катится вниз по склону, не долетев до деревьев.

– Только в каком-то своем стиле, – говорит Адди с удивительной теплотой в голосе. – Не похоже, что он выпендривается перед Деб, как эти двое.

– Кевина она точно сразила, а Маркус... – я осторожно подбираю слова. – Маркус со всеми женщинами так себя ведет. Да и сама Деб даже глядеть на него не станет после всего случившегося. Ох, да чтоб его! – Маркус падает, опрокинув чемодан. – Обязательно было мои вещи брать?

Кевин аккуратно ставит чемодан. Родни поднимает руку, и Кевин нескоро соображает, что тот хочет дать ему пять. Родни прямо-таки сияет, когда тот хлопает его по ладони –

похоже, люди редко отвечают на его жест.

– Ну вы и даете! – смеется Кевин, слегка подпрыгивая на месте. Разогрелся после упражнений.

– Правда? Даже Родни? – интересуется Маркус, отряхиваясь. – Кевин, тебе бы почаще общаться с людьми. Я знал одну девчонку, так она могла укусить себя за палец на ноге – вот это был трюк!

– Во дает! – качает головой Родни, а Кевин покатывается со смеху и похлопывает Маркуса по спине.

Деб машет нам и убирает молокоотсос. Только молниеносная реакция спасает меня от вида сосков сестры Адди.

– Если надо запастись едой и напитками, тут рядом есть супермаркет, – сообщает Кевин с подозрительной хрипотцой в голосе. Судя по всему, он разглядел грудь Деб в больших подробностях, чем я.

– Проводишь? – Деб решительно встает.

– Говорила же, – шепчет Адди.

– Да не накинется же она на него по дороге в магазин...

– А ты и правда изменился, – сухо замечает Адди и густо краснеет, осознав, что сказала.

Я растворяюсь в воспоминаниях о вечерах, когда мы не могли дотерпеть до дома и занимались любовью в переулках, на заднем сиденье, на сухой пыльной земле виноградников у виллы «Сёриз».

– Мы за едой! – кричит Кевин и радостно машет на прощание. Широкая улыбка на его лице больше напоминает гри-

масу – видимо, с непривычки к таким радостным выражениям. Кевин отлично отвлекает от мыслей о сексе, так что я добросовестно гляжу ему вслед, особое внимание уделяя лысой макушке.

Хотя не помогает. Думаю о мягком изгибе бедер Адди, обнаженной коже, длинных черных прядях, падающих мне на грудь. Сейчас кажется нереальным, что это было на самом деле, а не просто фантазия – что я мог лишь протянуть руку и коснуться ее.

Тогда

Адди

«Попроси ту девчонку принести нам еще бутылочку вина. Где-то же есть у них заначка».

Девчонку. Девчонку. За шесть недель на «Сёриз» встречала я нахальных постояльцев, но дядя Дилана действует мне на нервы больше всех. Они сидят на террасе с нашего возвращения из Ла-Рок-Альрик, я у себя внизу, но прекрасно их слышу. Представьте компанию парней у игрального автомата в баре – Терри был бы в ней «юмористом». Эдаким хвастуном, якобы затащившим в постель всех девчонок в округе. Вот это Терри, только на двадцать лет старше. Все такой же юморист-неудачник.

Хмурюсь, глядя в зеркало на стене гостиной. Вообще-то, я не такая стерва, просто... устала.

Разглядываю себя повнимательнее. Зеркало немного выпуклое, или, наоборот, вогнутое... В общем, из-за этого мой нос кажется крошечным, а глаза – огромными. Я немного поворачиваю голову туда-сюда, гадая, какой меня видит Дилан. И что будет думать и помнить про меня завтра.

Мне всегда казалось, что у меня незапоминающееся лицо.

У Деб красивые густые брови, она никогда их не выщипывает и выглядит шикарно, как модель. А у меня брови... Просто брови, про них и сказать-то нечего.

М-да. Отворачиваюсь от зеркала и тянусь в «зачачку» за вином – как ни досадно, но Терри прав, конечно, она у нас с Деб есть. Поднимаюсь по лестнице с бешено колотящимся сердцем. Просто нелепо, как мое тело реагирует на Дилана. Мне уже тысячу лет никто так не нравился.

– Пожалуйста. – Я подаю им бутылку.

Увидев выражение лица Дилана, я немного приободряюсь. Холодный, отрепетированный взгляд исчез, и теперь он поедает меня глазами, будто мысленно раздевает... Внизу живота тянет. Я опасалась, что интерес Дилана сойдет на нет с приходом Терри, что он посмотрит на меня со стороны и подумает: «Ничего особенного».

– Умница! – Терри забирает бутылку. – Не зря ты мне понравилась.

Я хихикаю, звонко и слишком наигранно.

– Что-нибудь еще?

– Садись с нами. – Терри указывает на пустое кресло. – А то торчишь там одна в недрах дома.

Дилан ерзает, нахмурившись. Зря волнуется, не собираюсь я проводить семейный вечер с похотливым дядюшкой.

– Я, пожалуй, пойду спать. День был насыщенным.

Из приличия они недолго протестуют, но я все-таки ухожу к себе, и, прикрыв глаза, прислоняюсь к двери. Вспоминаю

полный желаний взгляд Дилана, и дыхание перехватывает.

Пытаюсь уснуть – я все лето недосыпала, – но никак не успокоюсь. В комнате духота. Высовываю из-под одеяла одну ногу, затем вторую, потом и вовсе спихиваю его в угол кровати.

Если честно, жду стука в дверь. Он наконец раздастся, когда я уже проваливаюсь в полудрему. Это сон? Но нет, два тихих удара повторяются.

Резко сажусь. Во рту кислый привкус, губы пересохли, а про волосы и говорить нечего. Быстро иду в ванную пройти щеткой по зубам и собрать космы в небрежный пучок, но получается очень уж аккуратно, поэтому завязываю его снова. Когда я наконец-то открываю Дилану, сна ни в одном глазу, но я изображаю, что только встала. Ночной воздух еще хранит тепло, и Дилан приносит в квартиру аромат нагретых солнцем виноградных лоз.

– Я боялся, что ты крепко спишь, – шепчет он, когда я запираю дверь. – По-моему, ты засоня.

Так и есть. Мой бывший всегда жаловался, мол, для такой маленькой особы я слишком громко храплю. Но такое признание будет не особо сексуальным, поэтому я просто качаю головой.

– Я не думала, что ты...

Отчаянно краснею. Надо быть поувереннее, я ведь Летняя Адди!

В глазах Дилана вновь зажигается дерзкий огонек. Он бе-

рет меня за руку и мягко прижимает к себе с той же напускной уверенностью, которую я заметила при первой встрече.

– Мы, кажется, еще не все обсудили, – низким голосом произносит он.

От одного лишь прикосновения его руки учащается пульс. Волосы Дилана небрежно уложены, прядки изящно падают на лоб. Как ни странно, он выглядит еще более растрепанным.

– Да? – выдыхаю я. – Не обсудили?

– Или не сделали... – Он отпускает мою руку и расстегивает пуговицы на моей пижамной кофте: медленно, попутно слегка касаясь пальцами груди. Когда он наконец доходит до последней и спускает лямки с плеч, и ткань скользит на пол, я уже задыхаюсь.

Мы так и стоим на пороге. С минуту он просто любит меня: глаза расширены, губы приоткрыты. Мое дыхание сбивается. Его руки опускаются мне на талию, губы приближаются к моим. Я ударяюсь спиной об дверь, когда мы сливаемся в поцелуе.

Это не просто первый поцелуй, это прелюдия. Я теряю счет времени и забываю обо всем, разомлев от желания, постанывая и цепляясь за его рубашку, пока он не стягивает ее через голову. Соприкоснувшись обнаженной кожей, мы оба на миг перестаем дышать.

– Боже, – шепчет Дилан, убрав прядь волос у меня с лица и наклонившись к губам, – ты сводишь меня с ума.

Обвиваю его руками, приподняв ногу, и шорты собираются в складки. Я уже расстегиваю ремень брюк, как вдруг слышу стук в дверь.

Подпрыгиваю от неожиданности и стукаюсь зубами о зубы Дилана. Не расплетая объятий, мы отходим от двери. Дядя Терри просовывает голову в квартиру – слава богу, Дилан успеваает меня загородить.

Ну кто бы сомневался! Терри из тех, кто стучит, уже поворачивая ручку.

– Мадди! Опаньки! Вы тут вдвоем! – усмехается он. – Не помешал?

Мадди. Меня часто так называют, путая имя, и Али, и Анни. Я прижимаюсь к Дилану.

– Уйди, Терри, – просит Дилан. – Подожди снаружи, не смущай девушку!

– Как хочешь! – похохатывая, отвечает Терри и захлопывает дверь.

– Ужас, – бормочу я, уткнувшись Дилану в грудь.

– Принесли ж черти засранца!

Дилан поднимает с пола рубашку и мою пижаму. Дыхание его все еще сбито, как и мое.

– Я все слышу, дружок! – отзывается Терри.

– И чего ты у нее забыл в два ночи?! – кричит Дилан так громко, что я вздрагиваю.

– Думаю, это очевидно! Сам-то что у нее забыл? – парирует Терри.

– Думаю, это очевидно, – бурчит Дилан, сердито поправляя волосы. – И ее зовут Адди, не Мадди!

Прыскаю от смеха. Конечно, дело плохо, и ничего смешного тут нет, но... Все равно забавно. А это «опаньки»!

– Я зашел в кухню перекусить и услышал какой-то шум, – поясняет Терри. – Вот и решил проверить, все ли в порядке!

– Спасибо, мистер Эббот, все хорошо! – прикрыв лицо руками, благодарю я. – Господи...

– Прости, пожалуйста, – умоляюще говорит Дилан.

Волосы его растрепались, губы припухшие, вид слегка потерянный. Но так он еще сексуальнее.

Встав на цыпочки, нежно целую его в шею. Он проглатывает стон.

– В следующий раз, – шепчу я. – Зато теперь знаешь, где меня найти.

Дилан

Она меня пленила. Я Одиссей на острове у Цирцеи, я шекспировский Ромео, я... жертва почти непроходящего возбуждения.

Прошло почти четыре часа с того единственного и обжигающего поцелуя, а я никак не могу уснуть. В разгоряченном мозгу один за другим рождаются стихи на грани эротики, и на бумаге они еще хуже, чем в голове. Тем не менее примерно в шесть утра я решаю подсунуть их Адди под дверь, но

передумываю, едва выйдя за порог – все-таки это может показаться ненормальным, и даже отчаянным. Так что возвращаюсь в постель и представляю, как она обнаженная лежит рядом, а я читаю ей свои строки вслух. Так, мне нужен холодный душ.

Она появляется около десяти утра. Мы с Терри пьем кофе, и тут заходит Адди: отдохнувшая, в коротком узорчатом платье, складки которого кокетливо облегают бедра. В руках она несет бумажный пакет в маслянистых разводах – свежие круассаны из соседней деревни. Мы соприкасаемся пальцами, когда я забираю пакет. Никогда еще выпечка не скрывала столько чувственности.

– Спасибо, – шепчу я.

– Вертелся во сне? Волосы торчком стоят. – Сдерживая улыбку, она поджимает губы, и родинка чуть сдвигается.

– Племянник велел мне извиниться, – сообщает Терри. – Прости, что ворвался, очень грубо с моей стороны.

Адди поворачивается к Терри, и я уже ревную. Хочу, чтобы она смотрела только на меня.

– Я все забыл, – машет рукой дядя. – Ничегошеньки не помню, окей?

– Спасибо, я ценю, – отвечает Адди, чуть улыбнувшись. А затем разворачивается и уходит.

– Куда ты? – вырывается у меня.

Она оглядывается через плечо.

– Дела. Еще увидимся.

Она возвращается, когда мы обедаем на террасе, на этот раз в слитном красном купальнике, и принимается чистить бассейн от листьев. Нагибаться ей приходится столько раз, что я чуть ли не плачу от мучения.

К середине дня я напиваюсь, в надежде, что алкоголь поможет, ну или сделает Терри более приятным собеседником. Но в итоге сам становлюсь слишком болтливым.

– Я думаю она та самая, единственная, – признаюсь я Терри, откинувшись на диване. На улице слишком жарко, и мы спрятались в прохладе огромной гостиной, украшенной шелковыми гобеленами и бесчисленными диванными подушками.

Терри усмехается.

– Подожди пока вы не... – Он делает неприличный жест, и мне хочется швырнуть в него бутылку.

– Я же не об этом, – горячо возражаю я, подливая вина в бокал. – Она чудесная! Мне никого еще не хотелось так сильно.

Я собирался сказать «никто не нравился так сильно» Но получилось даже более правдиво. Я правда безумно ее хочу.

– Ах, пылкость юности! – добродушно подтрунивает дядя. – Вот наберет она килограммов десять, увлечется мыльными операми – тогда посмотрим.

– Дядя Терри, ты просто невозможен.

– Молодежь нынче такая чувствительная, – ворчит он, за-

валившись в кресло и поставив бокал на пивной живот.

Залпом допиваю вино. Еще ни один день в моей жизни не тянулся так долго.

Терри приглашает Адди поужинать с нами, но она отказывается. Смотрит при этом на меня. А вдруг, обдумав случившееся, она отклоняет не только приглашение Терри? Мысль о том, что вечером она не захочет меня видеть, вызывает отчаяние.

За ужином Терри не умолкает про бестолковые инвестиции дяди Рупа. Вот уж что меня ни капельки не волнует. При разговорах о деньгах мне становится ужасно неловко. К тому же дядя ест куда медленнее, увлекшись болтовней, так что мне хочется незаметно стащить стейк у него с тарелки, а то он вообще не закончит. Не успевает он собрать соус хлебом, как я забираю посуду и несу на кухню.

– Эй! – возмущается Терри. – Знаю-знаю, чего тебе так не терпится. Мечтаешь улизнуть в квартирку смотрительницы?

– Да, хочу увидеться с Адди, – стиснув зубы, отвечаю я.

– Расхаживает в купальничке, дразнит и уже веревки из тебя вьет, – смеется он.

Возвращаюсь в столовую.

– Смотри, с ней хлопот не оберешься, – продолжает дядя.

Стискиваю кулаки. Терри всегда невыносим, но его комментарии про Адди... И все равно он получше папы. На минуту представляю, что приехала вся семья, как отец и планировал. Дядя Руп со стареющей женой-американкой, до-

тошная троица кузенов из Ноттинг-Хилла, мой брат Люк без своего партнера Хавьера, ведь Хавьера никогда не приглашают... Люк мучился бы в стоическом одиночестве, я бы лез на стену от раздражения, папа нудил бы, как мы его разочаровали, а мама по обыкновению пыталась бы всех помирить.

Нет, эти каникулы настоящий подарок, несмотря на дядю Терри. Медленно разжимаю кулаки.

– Слушай, – говорю я, пытаюсь скрыть отчаяние, хотя оно так и рвется наружу, – давай сегодняшний вечер ты проведешь один, и тогда завтра мы поедем в тур по местным виноградникам. На весь день, только мы вдвоем. Я отвезу тебя сам, даже пить сегодня не буду.

Терри выглядит растерянным. Он считает себя душой любой компании и ни минуты не может побыть один. С другой стороны, вино он тоже очень любит, да и обещание уделить ему целый день должно сработать.

– Ладно уж, – соглашается дядя. – Я тогда... почитаю...

Он обводит комнату потерянным взглядом.

– Тут есть телевизор, – успокаиваю я. – На дисках «Форсаж». Все части!

Терри немного оживает.

– Тогда удачно тебе повеселиться, парень! – Он подмигивает. – А я посплю в берушах.

– Договорились. – Подавляю дрожь омерзения. – Спасибо. Спокойной ночи, Терри.

Адди

Дилан совсем запыхался – наверняка мчался из столовой на всех парах. Весь день он так забавно следил за мной тоскливым взглядом. Вчера он казался таинственно-сексуальным, сегодня – милым. Пару часов назад я подглядела, как он строчит что-то в блокноте, высунув кончик языка от усердия.

– Привет, – задыхается он. – Надеюсь, оскорбительные комментарии моего дяди не совсем тебя отвратили, ты не передумала со мной целоваться?

Смеюсь и встаю так, чтобы бедро казалось округлее. Я одета в коротко обрезанные джинсы и красный купальник. В этих шортах я всегда кажусь себе самой-самой. Честно говоря, не стоило мне утром надевать то короткое платье ради Дилана. Конечно, план сработал – челюсть у Дилана так и отвисла, – но чувствовала я себя... как-то дешево.

– Как ты от него отвязался?

Дилан то сжимает, то разжимает ладони, будто ему не терпится дотянуться до меня. В моем животе нарастает жар.

– Пообещал съездить завтра на виноградники. – Дилан откидывает волосы с глаз. – Можно войти?

Притворяюсь, будто раздумываю, но на лице у него такая мука, что я быстро сдаюсь.

– Ну, заходи, – смеюсь я, пропуская Дилана.

– Слава богу! – Он закрывает дверь, нежно придерживает меня за плечи и легонько подталкивает к стене. – На чем мы остановились?

– Кажется, на этом. – Притягиваю его к себе и встаю на цыпочки, чтобы заглянуть в глаза.

– Ты меня погубишь, Адди. Последние восемнадцать часов у меня кружилась голова от фантазий о тебе.

Никогда не встречала парня с такой прекрасной речью. И я не о произношении, а о самих словах. Хочется записать каждую фразу.

– От желания еще никто не умирал, – поучаю я, прильнув к нему. – И, возможно, немного терпения пойдет тебе на пользу.

– А по мне, терпеть – это ужасно скучно, – отвечает Дилан и прижимается губами к моим.

Он прекрасно целуется, но не потому я загораюсь огнем. Нет, дело в посыле – его поцелуй говорит: «В этот раз я с тобой на всю ночь».

Первый раз как в лихорадке: дрожание руки, сбивчивое дыхание. Мы даже не дошли до кровати. Еле держась на ногах и смеясь, Дилан шепчет:

– Боже, ты прекрасна.

Хочу развернуться к нему лицом, однако он меня придерживает. Его рука все еще проводит по моим ногам, движения становятся неторопливыми, ласковыми. Оглядываюсь через

плечо: Дилан изучающе, чуть ли не благоговейно рассматривает меня. Мы встречаемся взглядами, и я снова его хочу, прямо сейчас. Пульс учащается.

Спотыкаюсь на дрожащих ногах по пути в спальню и валяюсь на матрас лицом вниз. Несколько секунд спустя Дилан прижимается ко мне сзади и прокладывает дорожку поцелуев по спине. Я чувствую, как разгорается огонь внизу живота.

– Вот тут, – хрипло говорит Дилан, прижимая палец к изгибу, где талия переходит в бедро, – это, возможно, самые сексуальные сантиметры, которые я когда-либо видел.

– Серьезно? – удивляюсь я, оборачиваясь.

– Или тут, – продолжает он, покрывая жаркими поцелуями шею, и я со стоном опускаю голову на подушку.

– Или тут... – Очертания груди. – Или тут... – Косточка бедра. – Или тут... – Нежная, чувствительная кожа под коленом.

Он не похож на моих прежних парней. Теперь мы не торопимся. Время идет как в тумане, будто я вижу сон. Он то пылок, то дразняще нетороплив, то настолько ласков и заботлив, что слезы наворачиваются на глаза. Мы соприкасаемся лбами, и он двигается медленно, едва ощутимо. Хочу еще, еще, млею от страсти.

Мы засыпаем, переплетаясь потными телами. Проснувшись посреди ночи, я не могу понять, где нахожусь. Волосы на груди Дилана щекочут щеку. Резко поднимаюсь и вижу

на полу разбросанные вещи вперемешку с одеялом, а рядом книгу, которую мы ненароком столкнули с прикроватного столика. Привыкшие к темноте глаза различают стройную, загорелую фигуру Дилана.

Радостно улыбаюсь, прижав руки к лицу. Нет, это не просто летний роман... Слишком уж потрясающее чувство.

Просыпаюсь от грохота: Терри колошматит в дверь. Дилан выдергивает из-под меня руку, чуть не заехав по лицу – я чудом уворачиваюсь.

– Ой!

– М-м-м? – невнятно бормочет Дилан, сонно щурясь. – О, доброе утро! – Он забавно поводит головой, словно только что меня заметил, и прядка падает ему на лицо.

Не устояв, улыбаюсь.

– Доброе. Ты мне чуть глаз не выбил.

– Да? – Дилан приглаживает волосы и растирает щеки, чтобы взбодриться. – Извини, я верчусь во сне. Правда, прости. А ты храпишь! Мы квиты.

– Эй, Дилан! – зовет Терри.

Со стоном утыкаюсь в подушку. Мы проспали часа три, не больше, а я бы не отказалась от еще как минимум девяти.

– Черт бы его побрал, – сердито ворчит Дилан в потолок.

Смеюсь в подушку.

– У тебя вся семья с причудами?

– И не сомневайся. Только с разными, на любой вкус. –

Повернувшись, он целует меня в плечо. – Пожалуйста, оставайся на месте, в этой кровати, в этом наряде, пока я не вернусь из нашего с Терри алкотура.

– На мне нет никакого «наряда», – удивляюсь я.

– Вот именно.

– Дилан, нам пора!

Он наклоняется и нежно целует меня в губы.

– Ладно уж, можешь встать и одеться, – но только при крайней необходимости. И не исчезай, пожалуйста.

– Я здесь на все лето, так что никуда не денусь.

Дилан улыбается в ответ. Расслабленный, немного растрепанный, непослушные волосы снова лезут в глаза.

– Прекрасно, – отвечает он, мягко целуя меня. – Вчерашняя ночь была... незабываемой. Ты просто чудо.

Краснею так сильно, что он смеется – уверена, что он чувствует жар, излучаемый моей кожей. Я хочу сказать ему, что он всегда говорит идеальные слова, но это будет слишком. Хотя я уже покорена, ему незачем об этом знать. Узнает – и окажусь в полной его власти. Не будет больше тоскливых взглядов у бассейна, как вчера.

Сейчас

Дилан

Специалисты приехали чинить машину Деб. Я честно пытаюсь слушать их объяснения насчет тормозов и рулевого механизма, но разговоры про автомобили всегда наводят на меня жуткую тоску. То же самое, когда отец рассказывает про регби. В шестнадцать лет я знал наизусть «Двенадцатую ночь» Шекспира, а вот какие там у игроков приемы, до сих пор толком не понимаю.

Кевин заводит с Деб обстоятельную беседу о тормозной жидкости, Родни стоит рядом и горячо кивает, я наблюдаю за Адди, а Маркус наблюдает за мной.

– Смотри дырку не прожги, – советует он, подойдя ко мне из-за спины.

Мы до сих пор стоим на обочине, и рев двигателей стал привычен, как фоновый шум. Напоминает сверчков во Франции, которых я совершенно не замечал, пока они внешне не замолкали.

Автомеханик смеется над какой-то фразой Адди, и я испытываю почти настоящую боль, когда вижу ее ответную улыбку. Он довольно симпатичный – борода, яркие глаза.

Испанец, наверное.

– Знаю, тебе неприятно это слышать, – тихо говорит Маркус, спускаясь следом за мной к остальным. – Не хочу быть скотиной, но... Окей, я слегка перегнул в машине, признаю, но ведь это правда. Дил, говорю тебе, как друг: назад дороги нет. Пора двигаться дальше. Почти два года прошло!

Хочется его ударить. Столько раз подмывало, но я всегда сдерживался. Отведу душу, а дальше снова буду верным и надежным другом.

– Адди! – Деб машет телефоном. – Адди! Шерри звонит... Деб вернулась из супермаркета немного взлохмаченная и страшно довольная. Я задал очевидный вопрос: «Извини конечно, но *как?* В смысле, где?!», а она радостно ответила, что Кевин перевозит кресла в фуре, так что ей повезло совместить две любимые вещи сразу: секс и удобство.

– Не отвечай, – хором взываем мы с Адди.

Все молча смотрят на вибрирующий телефон.

– Рано или поздно придется с ней поговорить, – вздыхает Деб, когда звонок переключается на автоответчик. – На подготовку к барбекю уже не успеть. – Она открывает на телефоне карту. – За пять с половиной часов мы проехали сто девяносто километров. Осталось... еще четыреста восемьдесят.

– Ну почему все так вышло?! – Адди откидывает голову и смотрит в небо.

– Поедем быстрее, и все, – предлагает Маркус.

– Минимум пять часов езды без остановок, – напоминает

Деб. – А время... почти одиннадцать.

– Во сколько мы обещали там быть?

– В три, – морщится Адди. – И я не намерена лихачить, у меня уже три нарушения.

Изумленно гляжу на нее, но она упорно отводит глаза.

– Я тоже, – поддерживает Деб. – Мне умирать нельзя, у меня ребенок.

– Я ей напишу, – вызывается Адди. – Так будет лучше всего.

Все вроде как поддерживают ее гениальную идею, хотя все понимают, что это просто отговорка.

– Тогда все в машину!.. Ой, Кевин, – запинается Адди. – Извините. Я и забыла, что вы не с нами.

Кевину явно приятно, однако его улыбка тает.

– Уезжаете? Так скоро?

– Машину починили. – Адди указывает на автомехаников и улыбается им.

Испанец явно оценивающе оглядывает ее задницу. Надо притвориться, что меня это не волнует – хотя на самом деле волнует, еще как. Боже, какая она красивая.

Маркус опять наблюдает за мной, приподняв брови, и я через силу отворачиваюсь от Адди.

– Не хотите сперва пообедать? В фуре посидеть?

Кевин явно обращается к Деб, а она тем временем кладет продукты в пакеты и, похоже, уже выкинула Кевина из головы. Вернувшись из магазина, она обращала на него не

больше внимания, чем Адди на Родни. У сестер Гилберт есть поразительная способность замечать только то, что для них важно, и игнорировать все остальное.

– Что ж. – Радостная гримаса Кевина сходит на нет, он потирает подбородок. – До встречи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.